

Трагедія України

(Изъ пережитого въ Кіевѣ въ 1918 году)

Н. М. Могилянскій

14 (27) января 1918 года я покинулъ, сдавленный тисками большевизма, Петроградъ, убѣжденный въ томъ, что кризисъ, переживаемый Россіей, затяжной, что изъ оппозиціи интеллигенціи и шедшей, естественно, на убыль интеллигентской стачки ровно ничего не выйдетъ. Убийство Шингарева и Кокошкина, разгонъ Учредительнаго Собранія, стрѣльба по мирной манифестаціи интеллигенціи 5 (18) января явно говорили о томъ, что узурпаторы власти въ своемъ стремленіи удержать эту власть въ своихъ рукахъ не останутся ни передъ чѣмъ, что всѣ преступленія стараго режима дѣтская сказка въ сравненіи съ цинизмомъ новой тираніи.

Наканунѣ моего отъѣзда, въ этнографическій отдѣлъ Музея Императора Александра III зашелъ смущенный событіями Клодъ Анэ, корреспондентъ «Petit Parisien».

«У Васъ тутъ скоро будутъ нѣмцы», сказалъ онъ съ убѣжденіемъ.

— «Что имъ здѣсь дѣлать въ этомъ болотѣ? Скорѣе они будутъ въ Кіевѣ и на Украинѣ. Имъ нуженъ хлѣбъ, а не петроградская разнузданная чернь» — отвѣчалъ я, не думая тогда, конечно, что слова мои сбудутся такъ невѣроятно быстро.

Съ грустью простился я съ К. Анэ — нашимъ искреннимъ другомъ, чтобы вновь встрѣтиться съ нимъ лишь черезъ 1½ года въ Парижѣ, въ качествѣ бѣженца, пережившаго первую эвакуацію Одессы 4—6 апрѣля 1919 года и прошедшаго тяжелую школу бѣженства, однимъ изъ этаповъ которой былъ Константинополь — ставшій чистилищемъ для русскихъ душъ.

Послѣ почти трехсуточной ѣзды въ поѣздѣ, гдѣ въ нашемъ купэ, вмѣсто 4 человекъ, помѣщалось отъ 12 до 14 человекъ, гдѣ выходъ былъ возможенъ только черезъ окно, гдѣ грязь была невѣроятная, вслѣдствіе скученности и необходимости тутъ же питаться, при невозможности вымыть руки, 17 (30) января, на склонѣ туманнаго, зимняго, короткаго дня мы подъѣзжали къ Кіеву, причемъ поѣздъ поминутно останавливался, такъ какъ станція Кіевъ I не была свободна. При каждой остановкѣ отчетливо слышны были звуки рѣдкой канонады. Угроза большевиковъ украинскимъ сепаратистамъ, печатно высказанная въ «Правдѣ»: «черезъ нѣсколько дней мы возьмемъ Кіевъ» — начала фактически приводиться въ исполненіе.

Это были первые выстрѣлы по Кіеву арміи большевиковъ, подъ командой Ремнева. Начался первый актъ трагедіи Кіева за многострадальный 1918 годъ, какого не было въ исторіи его со временъ взятія города Батыемъ въ XIII вѣкѣ.

И все же теплилась какая-то надежда. Думалось: зажиточный, замкнутый, рационалистически настроенный крестьянин-собственник украинец или малоросс, сильно рознящийся по своей психикѣ отъ своего брата «русскаго», устоитъ непременно предъ соблазномъ «соціализаціи» земли, объявленной не только Ленинымъ, но и не желавшей отстать въ области соціологическаго творчества Центральной Радой, возглавлявшейся проф. М. С. Грушевскимъ. Увы! Одинаковыя причины повели къ одинаковымъ послѣдствіямъ и въ коренной Россіи и на Украинѣ*.

I.

Послѣдовали девять сутокъ борьбы за Кіевъ между большевиками и украинцами, девять сутокъ почти непрерывнаго боя, то въ рукопашную, какъ на Щекавицѣ, то въ ружейно-пулеметную на улицахъ и площадяхъ Кіева, съ броневиками, осыпавшими пулями особенно нижніе этажи домовъ, причеиъ трескъ ружей и пулеметовъ заглушался артиллерійской канонадой съ уханьемъ далекихъ пушекъ и разрывами 3-хъ и 6-и дюймовыхъ снарядовъ и шрапнелей, рвавшихъ надъ небольшимъ, но занимаемой территоріи, городомъ, перенаселеннымъ сверхъ всякой мѣры, благодаря войнѣ и послѣдовавшей за нею революціи***.

Систематическій обстрѣлъ Кіева начался съ 18 (31) января вечеромъ. Съ 4-го этажа д. № 22 по Б. Владимирской, изъ квартиры В. А. Жолткевича, въ 1919 году разстрѣлянаго большевиками, наблюдалъ я съ друзьями трагически-эффектную картину обстрѣла Печерска изъ расположенной за Днѣпромъ Дарницы. Красноватая вспышка далекаго орудія (версть около 6 по звуку) и черезъ нѣкоторое время яркая звѣзда разрыва снаряда, на разстояніи 2-хъ верствъ по звуку: жуткая, незабываемая картина!

Трудно было дать себѣ отчетъ въ томъ, кто одолеваетъ въ уличныхъ бояхъ. Наступленіе шло на Печерскъ и на центръ съ Подола одновременно, бои шли съ перемѣннымъ успѣхомъ, но въ концѣ четвертаго дня получилось впечатлѣніе, будто украинцы одолеваютъ. Говоря вообще, самоувѣренности у руководителей защиты Кіева было очень много, но дѣйствія ихъ отличались бессистемностью, разговоры — бахвальствомъ, и въ обывателѣ они внушали мало увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Числа 21 или 22 января стараго стиля вошелъ въ Кіевъ Петлюра съ тощими рядами украинскихъ войскъ. На Софійевской площади я слышалъ произнесенную имъ передъ войсками рѣчь на тему объ украинской непобѣдимости. Потомъ оказалось, что онъ просто бѣжалъ отъ большевиковъ изъ подъ Гребенки. Канонада большевистской артиллеріи не смолкала, и это обстоятельство мало давало вѣры въ оптимизмъ Петлюры.

До какой степени бессмысленны были военныя дѣйствія украинцевъ, можно показать на дѣйствіяхъ украинской артиллеріи, которыя мнѣ пришлось весьма близко наблюдать. Часовъ около 3 дня, 22 января (4 февраля н. ст.), на Софійевскую площадь привезена была батарея артиллеріи, и началась пристрѣльная стрельба по позиціямъ

* Происходя и по отцу, и по матери изъ южно-русскихъ, малорусскихъ или украинскихъ фамилій, я считаю себя русскимъ по культурѣ, отечествомъ своимъ считаю Россію, а родной Украину или Малороссію. Въ понятіе «Украина» не вкладываю сепаратистскихъ вождедѣній, но и не связываю его съ «измѣной», какъ необходимымъ, по мнѣнію многихъ, атрибутомъ украинства.

** Жилъ я въ это время на Софійевской площади, у самой колокольни Софійевскаго Собора — пунктъ очень удобный для наблюденія. Изъ дня въ день я велъ записъ всего видѣннаго и слышаннаго.

большевиковъ. Во всемъ фасадѣ нашего дома, обращенномъ къ Софiевской площади, вылетѣли почти все окна, ибо ближайшее орудіе стояло шагахъ въ 25—30 отъ подъѣзда дома № 22. Жутко было ждать отвѣтнаго огня «непріятельской» артиллеріи, ибо двѣ колокольни Михайловскаго и Софiевскаго соборовъ, а также пожарная каланча Старо-Кіевскаго участка, не могли не опредѣлить съ полной точностью положенія батарей украинской артиллеріи. Для удобства ночного обстрѣла предупредительно залита была электрическимъ свѣтомъ вся Софiевская площадь: стоящія на горѣ колокольни, освѣщенные электричествомъ, должны были маячить на десятки верствъ Заднѣпровья.

Кто и какъ командовалъ украинской артиллеріей, показываетъ слѣдующій любопытный эпизодъ. Въ подъездѣ дома, гдѣ я жилъ, входитъ артиллерійскій офицеръ. «Это Софiевскій Соборъ?» — спрашиваетъ онъ у швейцара. «Да, это Софiевскій соборъ» — отвѣчаетъ швейцаръ. «Ребята! Здѣсь!» — обрадовался офицеръ и отправился размѣщать пушки на позиціяхъ. Вечеромъ, послѣ описанной пристрѣлки, онъ опять потихоньку бесѣдовалъ со швейцаромъ: «Гдѣ тутъ дорога на Святошинъ?» — «Такъ вѣдь тамъ, баринъ, большевики въ Святошинѣ» — отвѣчалъ швейцаръ. — «А мнѣ не все равно, гдѣ пропадать!» — сказала офицеръ, безнадежно махнувъ рукой... На другой день, еще до разсвѣта, солдаты-артиллеристы разыскивали офицера Х. Такъ его нигдѣ и не нашли. Былъ ли это офицеръ-большевикъ или бѣднягъ дѣйствительно больше улыбалось погибнуть отъ большевиковъ?! На другой день съ утра большевистская артиллерія засыпала снарядами Софiевскую площадь, обстрѣлявъ ее правильнымъ вѣеромъ. Въ районѣ Софiевскаго собора я насчиталъ 13 снарядовъ, попавшихъ въ колокольню, главный храмъ и другія постройки въ оградѣ собора; кромѣ того, мы нашли еще четыре не разорвавшихся снаряда въ той же оградѣ собора.

Испуганное населеніе нашего района бросилось въ подвалы и только немногіе, сохраняя полное самообладаніе, не тронулись съ мѣсть. Количество снарядовъ, выпускавшихся по городу, было очень значительно. Въ одинъ изъ дней я записалъ слѣдующую статистику: Начало бомбардировки 7 ч. утра — конецъ, или вѣрнѣе, значительное ея ослабленіе — 1 ч. ночи — итого 17 часовъ непрерывной бомбардировки. Число снарядовъ отъ 6—10 въ минуту. Если даже minimum взять за среднюю цифру, то получается въ часъ 360 снарядовъ, а въ 17 часовъ около 7000 снарядовъ. Въ дѣйствительности ихъ выпускалось, можетъ быть, и больше.

Населеніе страдало и отъ недостатка пищи, которую приходилось добывать съ опасностью для жизни, и отъ недостатка свѣта и воды. Кажется, никогда не было сдѣлано попытки подсчитать количество жертвъ бомбардировки Кіева, но онѣ насчитывались сотнями. По ночамъ, съ ослабленіемъ бомбардировки, начинались другіе страхи. Безобразничали солдаты — защитники Кіева. У жены нашего швейцара отняли хлѣбъ и сало. Къ намъ по ночамъ систематически ломались въ квартиру солдаты съ угрозами. Тамъ, гдѣ солдатъ впускали — пропадали вещи, не говоря уже о превращеніи квартиръ въ трудно описуемое, грязное, хаотическое состояніе. Я видѣлъ, что тѣ же солдаты ночью разграбили по сосѣдству небольшую лавочку, взломавъ замки, и принесли съ собой табакъ, шоколадъ, чай и сахаръ и все это въ количествѣ, превышавшемъ потребности даннаго момента. Ни энтузіазма, ни пониманія цѣли борьбы — одно безшабашное озорство. Никакихъ разумныхъ надеждъ на успѣхи сопротивленія въ этихъ условіяхъ быть не могло. Всю ночь на 26 января продолжалась усиленная канонада. Еще утромъ военный министръ У. Р. клялся, что положеніе Кіева устойчиво и опасаться нечего, а между 11 ч. утра и 1 ч. дня вся Центральная Рада, съ Грушевскимъ во главѣ, вмѣстѣ съ правитель-

ством Голубовича, бѣжали на автомобиляхъ въ Житомиръ, оставивъ Кіевъ и его обывателей на произволъ судьбы. Около часу дня 26 января канонада стихла совершенно. О взятіи города большевиками насъ оповѣстили два солдата изъ красной арміи Ремнева, явившіеся для осмотра квартиръ и поверхностнаго обыска. Навсегда въ памяти запечатлѣлись эти два разныхъ лица. Одинъ молодой, юноша лѣтъ 18—20, съ розовыми щеками и тонкимъ, красивымъ профилемъ, весь обвѣшанный оружіемъ, убѣждалъ насъ: «Не бойтесь — теперь все уже будетъ хорошо.» По лицу его я видѣлъ, что онъ искренне и глубоко вѣритъ своимъ словамъ: въ его наивной, дѣтской душѣ не было мѣста злобѣ. Совсѣмъ другое впечатлѣніе оставлялъ его товарищъ — рабочий Путиловскаго завода въ Петроградѣ, лѣтъ 40, уроженецъ Новозыбковскаго уѣзда Черниговской губерніи. Этотъ, на крестъ обвѣшанный пулеметными лентами, весь дышалъ злобой и мщеніемъ. Изъ рта его, разившаго алкоголемъ, вырывались непрестанно угрозы: «О! Я ихъ всѣхъ найду, я ихъ знаю въ лицо — офицеровъ — контръ-революціонеровъ.» При этомъ онъ выставлялъ впередъ дуло револьвера, цѣлясь въ воображаемую жертву. «Поработаемъ на пользу родины, а потомъ домой — пахать землю!» Увы! Это не было, къ сожалѣнію, простой формальной угрозой, какъ мнѣ тогда казалось: но объ этомъ будетъ сказано дальше.

Пока украинскіе сепаратисты разговариваютъ съ нѣмецкими генералами въ Брестъ-Литовскѣ, опережая Ленина и Троцкаго въ измѣнѣ родинѣ и союзникамъ, мы можемъ оглянуться на прошлое и въ немъ поискать корней тѣхъ трагическихъ событій, которыя разыгрались въ Кіевѣ въ январѣ 1918 года и повлекли за собой рядъ новыхъ, историческихъ событій.

II.

Кіевъ оставленъ былъ на произволъ судьбы бѣжавшими украинскими войсками и властями. Ворвавшіеся въ городъ 26 января большевистскія войска, тогда еще скорѣе похожія на банды, вскорѣ заставили кошмаромъ своей «дѣятельности» забыть кошмаръ и ужасъ девятидневной бомбардировки. Зеленя, изможденные голодовкой, бессонницей и пережитыми волненіями, лица обывателей исказились ужасомъ безумія и тупой, усталой безнадежности.

Началась въ самомъ прямомъ смыслѣ этого слова отвратительная бойня, избіеніе внѣ всякаго разбора, суда или слѣдствія оставшагося въ городѣ русскаго офицерства, не пожелавшаго участвовать въ борьбѣ противъ большевиковъ на сторонѣ украинцевъ. Изъ гостинницъ и частныхъ квартиръ потащили несчастныхъ офицеровъ буквально на убой въ «штабъ Духонина» — ироническое названіе Маринскаго парка — излюбленное мѣсто казни, гдѣ погибли сотни офицеровъ русской арміи. Казнили гдѣ попало: на площадкѣ передъ Дворцомъ, по дорогѣ на Александровскомъ спускѣ, а то и просто, гдѣ и какъ попало. Такъ мой двоюродный братъ, полковникъ А. М. Рѣчицкій, былъ убитъ на Бибиковскомъ бульварѣ выстрѣломъ въ затылокъ, при сопротивленіи, оказанномъ имъ четыремъ красноармейцамъ, хотѣвшимъ сорвать съ него погоны. Герой Путиловской сопки, трагедіи подъ Сольдау, Прасныша, много разъ тяжело раненый и контуженный — онъ даже предъ лицомъ вѣрной смерти не хотѣлъ, несмотря на всѣ убѣжденія, снять съ себя воинскую форму: такъ трагически пресѣклась 37-лѣтняя молодая жизнь, полная героическаго исполненія долга.

Кромѣ офицеровъ казнили всякаго, кто наивно показывалъ красный билетикъ — удостовѣреніе принадлежности къ украинскому гражданству. Казнили куплетиста Сокольскаго, за его злые куплеты противъ большевиковъ; казнили перваго встрѣчнаго

на улицѣ, чтобы снять съ него новые ботинки, приглянувшіеся красноармейцу. Начались повальные грабежи въ домахъ «буржуевъ», обыски и вымогательства, съ избіеніемъ недостаточно уступчивыхъ и покорныхъ судьбѣ. Такъ подвергся избіенію извѣстный городской дѣятель В. Демченко. Кто и когда еще расскажетъ о всей циничной пошлости этой разнузданной вакханаліи произвола, насилія, глумленія и издѣвательства надъ личностью мирнаго обывателя?! — «Пойдемъ съ нами щи хлебать, буржуйка!» — говоритъ солдатъ-красноармеецъ почтенной дамѣ, въ присутствіи всѣхъ членовъ семьи, разставленныхъ у стѣнки съ приказаніемъ не шевелиться во время обыска — «У! Тебѣ бы все шампанское лакать!..» продолжаетъ онъ, угрожая револьверомъ, приставленнымъ къ самому лицу несчастной жертвы надругательства.

Изъ обывательскихъ квартиръ тащили все, что попало, сначала наиболѣе цѣнное: деньги, золото и серебро, всякаго рода цѣнности. Богатые завѣдомо дома, конечно, были ограблены въ первую очередь. Я зашелъ къ старому другу, профессору К. Человѣкъ спокойный, уравновѣшенный, сидитъ въ креслѣ совершенно подавленный, молчитъ и, наконецъ, съ трудомъ вытягиваетъ изъ себя такіа слова: «Я на все смотрю равнодушно и спокойно... Кажется, если придутъ и скажутъ, что перебили всѣхъ моихъ дѣтей — я не двинусь съ мѣста.» Къ К. заходитъ почтенный земскій дѣятель, бывший полковникъ гвардіи С. Я никогда въ жизни не забуду этой безнадежности на окаменѣвшемъ лицѣ, въ глазахъ, изъ которыхъ почти безуміе глядитъ изъ опустошеннаго сознанія.

Владѣлецъ особняка Б., ограбленный большевиками, отсиживается въ «бестѣ» въ иностранномъ консульствѣ; его жена, больная сердечной болѣзью женщина, измучена была вѣчными обысками и постоянной боязнью за судьбу мужа. Преслѣдованію подвергались одинаково и русскіе, и евреи, и поляки, и украинцы. Среди комиссаровъ и другихъ агентовъ большевистской «власти» доминирующая роль принадлежитъ великороссамъ, хотя были и украинскіе большевики, какъ напр. сынъ писателя Коцюбинскій; евреи при этомъ не играли ни выдающейся роли, ни численно не превышали другихъ національностей. Справедливость требуетъ категорически опровергнуть распространенную легенду, будто весь большевизмъ питается главнымъ образомъ еврейскими силами. Происходитъ это отъ общей аберраціи, а также отъ слишкомъ обывательскаго стремленія найти виновника обрушившихся грандіозныхъ и невыносимыхъ бѣдствій.

Въ городахъ провинціальныхъ, маленькихъ, съ незначительнымъ численно населеніемъ, большевизмъ переживался весьма различно, въ зависимости отъ личнаго характера стоявшихъ во главѣ временной власти большевистскихъ диктаторовъ, ибо трудно иначе назвать тѣхъ мѣстныхъ царьковъ, которые, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, являлись хозяевами жизни и смерти, не говоря уже объ имуществѣ обывателей. Такъ, напр., г. Черниговъ въ этотъ первый приходъ большевиковъ отдѣлался чуть ли не 50,000 рублей контрибуціи, которыхъ хватило для того, чтобы верховный комиссаръ могъ день и ночь пить горькую, а наряду съ этимъ г. Глуховъ пережилъ трудно поддающіеся описанію ужасы. Въ Глуховѣ полновластнымъ его владыкой былъ матросъ балтійскаго флота, по фамиліи Цыганокъ. Неудовлетворенный количествомъ вырѣзанныхъ помѣщиковъ, онъ велѣлъ перебить и перерѣзать даже дѣтей, воспитанниковъ мѣстной гимназіи, какъ будущихъ «буржуевъ». Потомъ Цыганокъ случайно погибъ, заряжая бомбу, которая взорвалась у него на колѣняхъ, причемъ, умирая, онъ завѣщалъ похоронить себя въ склепѣ мѣстной помѣщицѣй фамиліи и съ подобающимъ торжествомъ, для чего красноармейцы выгнали весь городъ для проводовъ погибшаго диктатора. Кровавый кошмаръ Глухова еще ждетъ своего историка.

Кіевъ стали грабить систематически. Наложена была пятимилліонная контрибуція, моментально, до-срока уплаченная тѣмъ самымъ обывателемъ, который ни одной копѣйки не хотѣлъ дать на защиту города отъ большевиковъ. Началась полная дезорганизація кредитныхъ учреждений, куда назначены были безграмотные комиссары.

По городу въ автомобиляхъ и на парныхъ, роскошныхъ извозчикахъ съ прекрасными фаятонами и ландо, разъѣзжали матросы и красноармейцы, часто въ нетрезвомъ видѣ; они сорили деньгами въ кафе, ресторанахъ и игорныхъ домахъ, окруженные атмосферой кутежа и всяческаго дебоша.

Началось быстрое повышеніе цѣнъ на жизненные продукты, ибо крестьяне перестали вывозить что-либо на городской базаръ, вслѣдствіе риска быть ограбленными по дорогѣ первымъ встрѣчнымъ, кому это было не лѣнь.

Вскорѣ, однако, появились смутные слухи о томъ, что украинцы сговорились съ нѣмцами и въ Кіевъ идутъ нѣмецкія войска. Слухи эти находили себѣ подтвержденіе въ поведеніи большевиковъ, которые, не чувствуя подъ ногами почвы, вели себя, какъ халифы на часъ: грабили, пировали, разоряли и веселились: хоть день да мой!

Положеніе обывателя ухудшалось съ каждымъ днемъ. Сорганизовались шайки грабителей, которыя по ночамъ грабили обывателей, нападавая съ оружіемъ на дома и ихъ обитателей. Несчастный обыватель, обезоруженный большевиками, лишенъ былъ самыхъ элементарныхъ средствъ самообороны.

Только тогда, когда дня за два, за три до прихода нѣмцевъ большевики, нагрузивъ себя всякимъ добромъ, бѣжали изъ города, въ свою очередь, началась организація самообороны. Картина бѣгства большевиковъ была весьма оригинальна: казалось, поль-города обывателей уѣзжаютъ или переѣзжаютъ на новыя квартиры. Извозчики и подводы, груженные всякимъ домашнимъ скарбомъ, — подушками, самоварами, перинами, стульями ... и все это мчалось второпяхъ, подъ охраной одного, двухъ солдатъ красной арміи, вооруженныхъ винтовками.

Ни одного случая сопротивленія. У всѣхъ, казалось, была одна мысль: бери все — только убирайся поскорѣе съ глазъ!

Начало появляться оружіе, которымъ снабжали обывателя. Кто, гдѣ и почему его раздавалъ, мнѣ узнать такъ и не удалось. Я лично видѣлъ только гимназистовъ, бѣгавшихъ таинственно на Печерскъ и тащившихъ оттуда новыя винтовки, патроны, всякаго рода военное снаряженіе. Матери знакомыхъ семей были въ отчаяніи, что мальчишки 12—15 лѣтняго возраста превратили свои комнаты не то въ музеи, не то въ арсеналы; зато восхищеніе молодежи не знало предѣловъ — каждый чувствовалъ себя воиномъ, готовымъ выдержать любую атаку и отстоять свое дѣло и своихъ близкихъ. Очевидно, растаскивали какіе-то цейхгаузы, оставленные безъ охраны и безъ присмотра. Грабежи участились въ невѣроятной пропорціи. Въ борьбѣ съ вооруженными налетами отличалась энергіей грузинская вольная дружина, которая по первому же вызову по телефону выѣзжала на помощь съ автомобилемъ, наполненнымъ вооруженными людьми. Грузинамъ на помощь явились добровольцы изъ кіевской интеллигенціи, и обыватель, замученный и затравленный, вздохнулъ немного свободнѣе. Все это происходило около половины февраля 1918 г. — 11—17 февраля ст. стилия (24 февраля — 2 марта н. ст.). Трудно поддается описанію горькое существованіе обывателя Кіева въ это совершенно кошмарное время. Въ одну изъ послѣднихъ, передъ приходомъ въ Кіевъ нѣмцевъ, ночей зарегистрировано было 176 нападений на квартиры обывателей. Трудно давалась организація защиты. Избраны были домовые комитеты, которые, раздобывъ оружіе, занялись органи-

заціей самообороны. И вотъ люди, въ жизни своей не носившіе ружья, иногда почтенные, убѣленные сѣдинами, кіевляне стали чистить и чинить ружья и обсуждать стратегическіе методы защиты домовъ и усадебъ отъ нападенія разбойниковъ. Кое гдѣ начали появляться уцѣлѣвшіе офицеры, взявшіе естественно на себя организацию защиты и команду надъ домовыми военными дружинами. Все это было бы смѣшно, если бы не было въ существѣ весьма трагично. Дружиной дома № 22 командовалъ у насъ храбрый и энергичный кадровый офицеръ, защитникъ Портъ-Артура и заслуженный герой великой войны, П. Г. Сахновскій, лѣтомъ 1919 года тоже разстрѣлянный въ Кіевѣ большевиками. Нашъ домъ сталъ быстро центромъ защиты ряда объединенныхъ домовъ нашего участка, появился полевой телефонъ, объединявшій шесть окрестныхъ дружинъ, обязанныхъ являться по первому вызову въ угрожаемое мѣсто.

Защита давала реальные результаты. Припоминаю одно нападеніе, сдѣланное по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Съ наблюдательнаго пункта дали знать, что изъ за памятника Богдана Хмѣльницкаго на Софійской площади идетъ наступленіе. Подбѣжавъ къ окну, я увидѣлъ, что изъ за фонтана на площади ползкомъ движутся цѣпью вооруженные люди по направленію къ нашему подъѣзду. Началась перестрѣлка и атака нашего дома. Дверь параднаго подъѣзда, забаррикадированная на ночь дровами, устояла предъ напоромъ врага; суматоха въ домѣ была неописуемая; къ счастью для насъ, вызванная грузинская дружина прибыла очень быстро, черезъ 10—15 минутъ сраженіе было кончено. У насъ даже обошлось безъ потерь: говорили, что нападавшіе, которыхъ число опредѣлялось въ 30 человекъ, унесли трехъ раненыхъ. Но это лишь слухи ... хотя я видѣлъ лично падающихъ людей.

Много мыслей проносилось въ головѣ моей въ безсонныя ночи, когда, стоя у забора, отдѣлявшаго нашъ дворъ отъ сквера вокругъ Софійскаго собора, съ задачей — стрѣлять по всякому, кто будетъ лѣзть черезъ заборъ, я отстаивалъ двухчасовое дежурство въ холодныя, звѣздныя, февральскія ночи. Часто я задавалъ себѣ вопросъ: что я буду дѣлать, если, дѣйствительно, кто-нибудь полѣзетъ черезъ заборъ? Вѣдь допустимо, что это будетъ человекъ, который будетъ спасаться отъ преслѣдованія, а не нападающій врагъ. Къ счастью для меня вопросъ этотъ не былъ поставленъ, а остался лишь въ теоріи... Тяжелыя воспоминанія! Отъ трагизма создавшагося положенія до комизма нѣкоторыхъ житейскихъ переживаній и сценъ было очень небольшое разстояніе, и тяжкія думы, и настроенія разрѣшались часто пронизываніемъ и насмѣшкой надъ самимъ собой. Это все же скрашивало горькія минуты нервныхъ напряженій. Часто, при свѣтѣ огарка, гдѣ-нибудь въ подъѣздѣ или подвалѣ, пили чай и играли въ дурачки. Плакали и смѣялись, смѣялись и плакали поочередно: кошмарное было время даже въ воспоминаніи!

III.

Лучшимъ литературнымъ памятникомъ этого времени, имѣющимъ серьезное значеніе, явился дневникъ В. В. Шульгина, писанный имъ подъ большевистскимъ арестомъ и помѣченный имъ датами 11, 14 и 15 февраля ст. стилия. Нужно отдать должное мужеству В. В. Шульгина, рискнувшаго въ его положеніи высказывать со всей откровенностью мысли, которыя легко могли повести къ его обвиненію и къ фатальному концу: вѣдь большевики шутить не любятъ! Дневники эти были напечатаны въ послѣднемъ номерѣ «Кіевлянина», но рабочіе разбросали наборъ и я переписалъ нѣсколько экземпляровъ съ корректуры для распространенія среди знакомыхъ. Было бы жаль, если бы строки этого остроумнаго дневника никогда

не увидѣли свѣта въ печати. Мой рукописный экземпляръ погибъ для меня съ другими документами въ хаосѣ одесской эвакуаціи 4—6 апрѣля 1919 года, но содержаніе этихъ дневниковъ я помню очень отчетливо.

В. В. Шульгинъ былъ безпристрастнымъ, третьимъ лицомъ въ спорѣ и борьбѣ между большевиками и украинцами, ибо его симпатіи не были ни на той, ни на другой сторонѣ. Его сужденія, быть можетъ, и слишкомъ схематичныя, въ общемъ, однако, ярко и рельефно выявляли положеніе вещей, ставили точки на і и подводили тяжкіе, грустные итоги грустной русской дѣйствительности. Шульгинъ старался расшифровать глубокой, сокровенный смыслъ того, предъ чѣмъ съ наивнымъ изумленіемъ становилась втупикъ слабая, обывательская мысль.

«Создалось положеніе прямо дьявольское», — такъ начиналъ Шульгинъ свой дневникъ, — «на Кіевъ идутъ нѣмцы. Казалось бы, самое естественное для каждаго, любящаго свою родину, было защищать всѣми средствами свой родной край. Да, казалось бы! Но на практикѣ это благое намѣреніе оказывается совершенно неисполнимымъ...» И Шульгинъ вскрываетъ гнойную язву партійныхъ раздоровъ и противорѣчій, приводящую къ тому, что для того, чтобы вступить въ ряды защитниковъ родины, требовалось удостовѣреніе отъ революціонныхъ организацій, гдѣ партійные лозунги стояли выше, чѣмъ интересы родины, гдѣ не хватало элементарнаго чувства патріотизма, тогда, когда явно гибла родина, а съ нею и всякая надежда на жизнь, достойную свободныхъ гражданъ, а не рабовъ.

Особенно интересенъ въ этихъ дневникахъ анализъ того сложнаго положенія, тѣхъ фантастическихъ комбинацій, къ которымъ привелъ развалъ арміи, бросившей фронтъ. Было дѣйствительно что-то дьявольское въ этомъ тонко и глубоко продуманномъ планѣ добраться до Украины и ея богатствъ, столь необходимыхъ Германіи для продолженія незаконченной еще борьбы на западномъ фронтѣ, пользуясь не силой побѣдоноснаго оружія, а ловко использованной политической интригой, гдѣ нужно, обманомъ, подкупомъ — словомъ, всѣми доступными средствами.

Въ самомъ дѣлѣ, на завоеваніе военной силой всей Украины при малѣйшемъ противодѣйствіи населенія ея, у Германіи, ослабленной кровавой бойней у Вердена и на Соммѣ, надежды никакой быть не могло. Отсюда тонко задуманный и быстро проведенный въ исполненіе планъ или комбинація, при которой побитые большевиками украинцы униженно просили нѣмецкихъ генераловъ, на выгодныхъ для Германіи условіяхъ, спасти Украину «отъ варварства русскихъ». Для этого, по мнѣнію Шульгина, нуженъ былъ предметный урокъ. «Нужно было показать тянувшимся къ Россіи элементамъ прелести этого единенія, а для этого подарить Кіеву нѣсколько недѣль большевистскаго режима. Что? Хороши балтійскіе матросы? Что? Хороша петербургская красная армія?!» Кстати, какъ мы видѣли выше, сотнями разстрѣливались русскіе офицеры, чтобы въ будущемъ сдѣлать войну для Россіи невозможною. «Дѣло сработано чисто: и вдохновители, и исполнители оказались на высотѣ» заключаетъ эту часть В. В. Шульгинъ. И предъ неизбежной, роковой необходимостью нашествія иноплеменниковъ — худшихъ и давнихъ враговъ Россіи, наступавшихъ вдобавокъ въ качествѣ спасителей, Шульгинъ даетъ захватывающій анализъ того, что привело къ такой невѣроятной катастрофѣ. Здѣсь даны поистинѣ захватывающія строки, мастерски раскрывающія язвы прошлаго, приведшія къ трагическому концу.

Описавъ состояніе души истерзаннаго голодомъ, бомбардировкой, издѣвательствомъ большевиковъ, кіевскаго обывателя, В. В. Шульгинъ писалъ: «Если бы теперь спросить терроризованнаго обывателя, не хочетъ ли онъ призвать иноземную власть для защиты отъ насильниковъ и грабителей, то этотъ обыватель значитель-

нымъ большинствомъ голосовъ отвѣтили бы: «волимъ подѣ царя западнаго, инославнаго».

И все же обыватель не повиненъ въ приглашеніи въ Кіевъ войскъ Вильгельма. Его и не спрашивали — хочетъ онъ этого или не хочетъ? Велико величіе духа этого скромнаго обывателя, на спинѣ котораго разыгрываются политическія драмы, который расплачивается за безуміе маньяковъ и честолюбцевъ. И я вѣрю, что плебисцитъ, если бы онъ былъ возможенъ, не далъ бы власти въ Кіевѣ въ руки нѣмцевъ. Это взяли на себя и на свою совѣсть украинскіе сепаратисты: М. С. Грушевскій и Голубовичъ, Петлюра и Поршъ...

Подписавъ въ Брестѣ всѣ условія нѣмцевъ, украинцы торжественно вошли въ Кіевъ въ качествѣ побѣдителей. Правда, негласно, наканунѣ, обезпечивъ порядокъ, первые вошли въ городъ нѣмцы. Это было 17 февраля стараго стиля.

IV.

Придя въ Кіевъ, нѣмцы прежде всего вычистили невѣроятно загаженный при большевикахъ вокзалъ. Вычистили, убрали, декорировали и пригласили вечеромъ на танцы тѣхъ торговкохъ, что по принужденію помогали въ уборкѣ вокзала. За украинскими войсками, вошедшими подѣ предводительствомъ новаго военнаго министра Центральной Рады Жуковскаго, численно возросшими, благодаря привезеннымъ изъ германскаго плѣна, съ иглочки одѣтыми въ синіе жупаны, новые сапоги и высокія сѣрыя папахи, изъ поддѣльнаго барашка, съ огромными кокардами украинскихъ цвѣтовъ, вошли на другой день нѣмцы подѣ командой Линзингена. Продефилировавъ по городу съ музыкой, нѣмцы устроили парадъ на Софійевской площади и начали устраиваться съ обычной нѣмецкой аккуратной педантичностью, порядливостью и неторопливой систематичностью.

Въ шлемахъ, при строгой нѣмецкой выправкѣ, размѣреннымъ походнымъ шагомъ въ раскачку двигалась зелено-сѣрая масса пѣхоты въ видѣ не то какого-то чудовища *Taras'a*, какъ описывалъ его А. Додэ, не то липкой страшной массы гусениць. Тяжкое чувство испытывалъ я, гдя на низкорослый ландверъ, солдатъ — уже не того исключительнаго вида *schneidiger Militär*, который поражалъ когда-то своимъ разводами и парадами на *Unter den Linden* или у гауптвахты возлѣ *Brandenburger Tor*. Землистыя, усталыя лица, обношенное, сѣрое, стальнаго цвѣта платье, много ленточекъ желѣзнаго креста на груди солдатъ и офицеровъ — все это указывало на то, что это уже не первой очереди кадровыя войска, — гордость Вильгельма, что это уже также побывавшія въ передѣлкахъ войска, счастливыя теперь своимъ отдыхомъ на Украинѣ отъ ужасовъ продолжавшейся на Западномъ фронтѣ бойни. Они явились сюда (на Украину) друзьями, а не врагами: здѣсь можно будетъ и отдохнуть, и подкормиться. Лица сосредоточенныя, дисциплина образцовая, спокойная привѣтливость и сознание собственнаго достоинства.

Какъ же встрѣтилъ нѣмцевъ Кіевскій обыватель? Помню, какъ очень недобрительно смотрѣла съ балкона на идущихъ въ стройной колоннѣ нѣмцевъ наша кухарка Поля*, героически бѣгавшая подѣ пулями и шрапнелью ежедневно во все время обстрѣла Кіева, и сказала съ чувствомъ упрека, указывая на рослыхъ, здоровенныхъ, усатыхъ украинцевъ, и низкорослыхъ, невзрачныхъ нѣмцевъ: «Ось що буває за дурною головою...», проговорила она, тяжело при этомъ вздохнувъ. Зажиточный

* Я жилъ у моего друга прис. пов. Евгенія Ивановича Фіалковскаго, въ д. № 22 по Владимирской ул. (т. е. на Софійевской площади).

обыватель, такъ называемый «буржуй», нѣмцевъ встрѣчалъ, хотя и радостно, но безъ всякой экспансивности; радость избавленія была хотя и искренняя, но безъ энтузіазма: нѣкоторыя дамы совали застѣнчиво букеты цвѣтовъ нѣмецкимъ офицерамъ, но ни подъема, ни восторга мнѣ видѣть не приходилось — слишкомъ всѣ устали, да и будущее рисовалось въ формахъ, если и не столь ужасныхъ, какъ только что пережитые, кошмарные дни большевизма, то все же и много неизвѣстнаго таило оно въ себѣ. Если найдется ктонибудь, кто броситъ слово осужденія по поводу той радости, которая свѣтилась на отдѣльныхъ лицахъ кіевскихъ обывательницъ больше, чѣмъ обывателей, то право на это осужденіе принадлежитъ лишь тѣмъ, кто на себѣ самомъ испыталъ прелести соприкосновенія съ большевиками и все же не палъ духомъ до желанія найти во врагѣ, шедшемъ на помощь, поддержку противъ врага, угрожавшаго жизни и имуществу обывателя ежеминутно и непрестанно. Нѣтъ, по совѣсти, не могу найти словъ осужденія органическому, властному зову жизни предъ лицомъ небытія, палача-мучителя съ занесеннымъ ножомъ, съ кривой усмѣшкой циничнаго, наглаго безстыдства. Не дай Богъ пережить эти чувства тѣмъ, кто ихъ не пережилъ, а тѣ, кто ихъ пережилъ, не забудутъ ихъ никогда!

Съ появленіемъ нѣмцевъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, безъ всякихъ угрозъ или угрожающихъ объявленій, исчезли всякіе грабежи и насилія. Обыватель вздохнулъ свободно. Даже поздней ночью стало совершенно безопасно гулять по улицамъ. Открылись театры, синема, рестораны, жизнь заиграла быстрымъ темпомъ свою вѣчную суетливую музыку.

Украинцы-патріоты позволили себѣ роскошь нѣкоторыхъ дикихъ эксцессовъ, причемъ, сколько мнѣ было извѣстно, пострадалъ одинъ студентъ-еврей, убитый на Подолѣ неизвѣстно за что и при совершенно неясныхъ обстоятельствахъ. Во всякомъ случаѣ не было тѣхъ ужасныхъ картинъ убійствъ и казней, какими отличался періодъ большевистскаго владычества, когда, выходя гулять на Владимирскую горку, я каждый день натыкался на новые трупы, на разбросанные по дорожкамъ горки свѣжіе человѣческіе мозги, свѣжія лужи крови у стѣнъ Михайловскаго монастыря и на спускѣ между монастыремъ и водопроводной башней, по дорожкамъ, покрывающимъ горку сквера.

Нѣмцы, изголодавшіеся дома, висѣли толпами надъ витринами магазиновъ съ свѣтными припасами, гдѣ выставлены были жареные поросята, гуси, утки, куры, сало, масло, сахаръ и разныя сладости и гдѣ все это можно было пріобрѣсти безъ карточекъ и по сравнительно тогда еще весьма дешевымъ цѣнамъ. На базарахъ по утрамъ нѣмцы особенно охотно покупали сало. Они съ жадностью жевали огромные куски вкуснаго, малороссійскаго сала: велика была, очевидно, потребность организма въ жирахъ, отъ недостатка которыхъ давно уже страдала вся Германія.

Дѣятельность нѣмцевъ, особенно въ первый періодъ, проявлялась въ прокладываньи по всему городу телефоннагосообщенія для своихъ военно-полевыхъ надобностей.

Съ утра до ночи лазали они съ кошками на ногахъ по телеграфнымъ столбамъ, все опутывая своими сѣтями — ни дать, ни взять пауки ткали свои тенета для ловли жирныхъ украинскихъ мухъ.

Порядокъ въ городѣ сохранялся образцовый, нѣмецкая каска внушала страхъ передъ той силой, которая, чувствовалось, стояла за ней...

Что же дѣлали оставшіеся у власти украинцы — соціалисты, чѣмъ проявили они свое творчество, въ моментъ, когда руки у нихъ были развязаны, подъ охраной нѣмецкихъ штыковъ, быстро угнавшихъ свирѣпыхъ большевиковъ за предѣлы украинской территоріи? Небольшіе отряды нѣмцевъ проникли къ концу марта даже въ Крымъ и создали тамъ правительство изъ мѣстныхъ русскихъ элементовъ

подъ предсѣдательствомъ генерала Сулькевича. Нѣмцы нигдѣ не встрѣтили никакихъ сопротивленій. Для мирной оккупаціи огромнѣйшей территоріи имъ понадобилось всего только около 350—400 тысячъ человѣкъ.

Какъ, наконецъ, сложились отношенія между нѣмцами и украинцами? На эти вопросы необходимо дать краткій отвѣтъ, чтобы понять дальнѣйшую цѣпь событій.

V.

Я сильно сомнѣваюсь въ томъ, чтобы сами нѣмцы придавали серьезное значеніе статьямъ Брестскаго договора съ Украиной, а потомъ съ Россіей Ленина и Троцкаго. Для дальновидныхъ людей уже, кажется, не было сомнѣній въ томъ, что почти не оставалось разумной, обоснованной надежды на окончательную, рѣшительную побѣду нѣмецкаго оружія.

Мнѣ передавали, что извѣстный нѣмецкій генералъ выразился такъ, отвѣчая на вопросъ о положеніи Германіи въ связи съ войной: «Unser Lage ist glänzend, aber... hoffnungslos.» Если нѣмецкій генералъ и не говорилъ этого, то все же въ нѣмецкомъ происхожденіи этого Witz'a сомнѣнія быть не могло и сущность положенія Германіи онъ передавалъ точно и ясно.

Наиболѣе соблазнительной для нѣмцевъ частью договора съ украинскими социалистами, подписаннаго въ Брестѣ, были пункты, по которымъ Украина обязывалась дать нѣмцамъ 60 милліоновъ пудовъ хлѣба (муки) и право каждаго солдата, несущаго службу на Украинѣ, отправлять на родину ежедневно посылку въ 12 фунтовъ вѣсомъ. Конечно, были у нѣмцевъ и другія намѣренія, и они взялись за ихъ выполненіе настойчиво и интенсивно. Первая задача была воспользоваться огромными складами военного имущества, и сюда нѣмцы направили много вниманія и энергіи. Вторая заключалась въ широкомъ грюндерствѣ, которое должно было опутать прочной стальной паутиной нѣмецкаго капитала экономическую жизнь богатѣйшаго края. Такіе умные социалисты, какъ Wiedfeld, знали, что и какъ дѣлать. Становилось страшно при одной мысли, что этимъ планамъ суждено осуществиться.

Но хлѣба! прежде всего: хлѣба! Съ этимъ Leitmotiv'омъ нѣмцы явились въ Кіевъ и на Украину вообще. И на этой почвѣ нѣмцы разсорились съ кабинетомъ Голубовича и Центральной Радой, т. е. съ социалистической-сепаратистской властью и министерства Голубовича и Центральной Рады. Ибо весьма скоро нѣмцы сообразили, что при хозяйничаньи гг. Голубовича и Ко. съ Центральной Радой во главѣ, — хлѣба то именно они и рискуютъ не увидѣть вовсе. Они сразу поняли, что при сохраненіи въ силѣ универсала о социализаціи земли, при заготовленныхъ еще заботами «селянскаго министра» Чернова земельныхъ комитетахъ, крестьяне, вмѣсто того, чтобы пахать и сѣять, будутъ дѣлить землю. А нѣмцамъ нуженъ прежде всего хлѣбъ, а никакъ не социализація земли. Наконецъ, хлѣбъ нужно закупить, вывезти и доставить по желѣзной дорогѣ. Дезорганизація же, внесенная Ц.Р. и ея министерствомъ во всѣ области управленія, въ томъ числѣ, конечно, и въ желѣзно-дорожное хозяйство, угрожала въ корнѣ подорвать то жизненное начало и дѣло, изъ за котораго только и стоило лишить себя 300,000 арміи, столь необходимой Германіи на ея западномъ фронтѣ. Резервы Германіи быстро таяли отъ непрерывныхъ боевъ на территоріи Франціи.

Наконецъ, и это играло не меньшую роль въ охлажденіи нѣмцевъ къ сепаратистамъ «самостійникамъ», нѣмцы, которымъ нельзя отказать въ томъ, что они внимательно изучали общественную среду и обстановку, прозрѣли въ Кіевѣ насчетъ

«украинизація». Въ теоріи, дома, въ концентраційнихъ лагеряхъ — это было одно, въ Кіевѣ, на реальной украинской почвѣ — они нашли нѣчто совершенно другое; они увидѣли то, что ихъ самихъ привело въ немалое изумленіе: «Rußland — das verstehe ich, Ukraina — das verstehe ich nicht», повторялъ убитый позже въ Кіевѣ фельд-маршалъ Эйхгорнъ, замѣнившій вскорѣ Линзингена. Но объ этомъ я скажу далѣе, теперь же нужно дать себѣ отчетъ въ томъ, кто такое были вновь оказавшіеся у власти украинцы, каковы были ихъ силы и творческія способности, каковы были результаты ихъ дѣятельности и соціального строительства.

Совершенно подобно тому, какъ въ Петроградѣ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ являлся самоизвольнымъ парламентомъ, да еще облеченнымъ исполнительной властью, державшимъ въ плѣну Временное Правительство, такъ и Центральная Рада состояла исключительно изъ лѣвыхъ элементовъ, украинскихъ с. р. и с. д. главнымъ образомъ, избранныхъ съ тѣми же гарантіями и при тѣхъ же техническихъ условіяхъ, что и С.Р. и С.Д. въ Петроградѣ. Отличіе было лишь въ томъ, что «министерство» вполнѣ отвѣчало «парламенту» и въ психикѣ и въ міровоззрѣніи — оно, правда, и исходило изъ нѣдръ Ц.Р. До чрезвычайности типично, что съ необычайной быстротой устранены были отъ дѣлъ наиболѣе почтенные и заслуженные дѣятели украинской идеи, какъ напр., ея ветеранъ, глубоко всѣми почитаемый педагогъ, ученый и литературный дѣятель В. П. Науменко*, назначенный Временнымъ Правительствомъ Попечителемъ Кіевского Учебнаго Округа. Другой почтенный украинецъ, Н. П. Василенко, былъ въ это время товарищемъ министра народнаго просвѣщенія при министерствѣ акад. С. О. Ольденбурга. Вл. П. Науменко, серьезный ученый филологъ и талантливый преподаватель, годами и десятилѣтіями отстаивавшій въ своемъ журналѣ «Кіевская старина» право украинскаго народа на культурное развитіе, заставившій уважать себя даже такихъ самодуровъ центральной власти, какимъ былъ жандармскій генералъ Новицкій; человекъ, который пріобрѣлъ для украинцевъ симпатіи такихъ выдающихся дѣятелей академической жизни въ Россіи, какъ покойные академики А. Н. Пыпинъ, А. А. Шахматовъ, и О. Е. Коршъ и нынѣ здравствующій С. О. Ольденбургъ. И вотъ, этотъ человекъ, живой памятникъ 50 лѣтій кіевской культуры, оказался не ко двору у молодой Украины.

Во главѣ движенія сталъ профессоръ Львовскаго Университета, ученикъ Вл. Б. Антоновича, русскій украинецъ М. С. Грушевскій. Антоновичъ — двуликій Янусъ, съ кафедры университета проповѣдывавшій одно и бывшій въ дружбѣ даже съ Новицкимъ, у себя дома, въ кружкѣ избранной молодежи проповѣдывавшій другое: ненависть къ Россіи.

М. С. Грушевскій былъ послѣдователемъ Антоновича — домашняго учителя и ненавистника Россіи (эти свѣдѣнія я получилъ отъ другого ученика проф. Антоновича, извѣстнаго педагога въ Кіевѣ, лѣтомъ 1918 г.). Плодовитый писатель, посредственный ученый, привыкшій къ Австріи и ея конституціонному укладу, онъ примкнулъ къ лѣвымъ по мотивамъ, непонятнымъ и неизвѣстнымъ, скорѣе всего, желая не утратить нѣкоторой своей популярности. А по всему своему существу онъ былъ и остается добрымъ буржуа въ буквальномъ смыслѣ этого слова, любящимъ комфортъ и уединеніе своей цѣнной бібліотеки.

Домъ проф. Грушевскаго въ Кіевѣ, огромное шестиэтажное зданіе на Паньковской улицѣ, погибъ въ огнѣ, зажженный снарядами артиллеріи Ремнева; въ немъ, кромѣ очень цѣнной бібліотеки М. С. Грушевскаго, погибло тоже цѣннѣйшее собраніе

* Владимиръ Павловичъ Науменко былъ разстрѣлянъ большевиками, когда они вторично овладѣли Кіевомъ весной 1919 года.

украинскихъ этнографическихъ предметовъ художника-архитектора Кричевскаго. Пожаръ дома Грушевскаго и пожаръ огромнаго дома Багрова на Бибиковскомъ бульварѣ составили одну изъ грандіознѣйшихъ картинъ эпохи бомбардировки Кіева, рѣдкой, полной трагизма красотой этого стихійнаго бѣдствія. Трудно допустить, чтобы практичный умъ М. С. Грушевскаго раздѣлялъ увлеченія зеленой украинской молодежи въ области ея соціологическихъ и соціалистическихъ экспериментовъ. Проще допустить, что, дорожа популярностью, онъ плылъ по теченію, безсильный оказать ему серьезное идейное сопротивленіе.

За Грушевскимъ идутъ три вліятельныхъ въ національныхъ кругахъ Украины фигуры: В. Винниченко, С. Петлюра и Н. Поршъ, все приблизительно одного возраста за 40 лѣтъ, все социалисты de nomine и совершенно не схожіе другъ съ другомъ ни по складу ума, ни по темпераменту. Общее у нихъ одно: сепаратистскія стремленія, исходящія несомнѣнно изъ очень различныхъ источниковъ ихъ природы. Винниченко — писатель не безъ воображенія и значительнаго дарованія и таланта, наименѣе ихъ всехъ націоналенъ, по своей сущности, какъ украинецъ. По своей страстности и импульсивности это скорѣе семерть, по мистической сложности своей психики это типичный великоруссъ, гдѣ къ идеализму славянина подмѣшанъ мистицизмъ финскаго знахаря, безпокойный Пэръ-Гинтъ съ рефлексіей Макса Нордау, сложное *mixtum compositum* кухни современнаго европеизма. Человѣкъ импульсивный, страстный и опасный, ибо у него нѣтъ слабой стороны въ видѣ задерживающихъ центровъ. Ему приписываютъ формулу: «Украина не хочетъ самостоятельности. Тѣмъ хуже для нея — пусть пройдетъ черезъ чистилище большевизма, если это необходимый путь къ самостоятельности.» И онъ, дѣйствительно, не смущаясь, шелъ на соглашеніе съ большевиками.

Симонъ Петлюра — трагическій символъ современной Украины, гораздо болѣе націоналенъ; это упрямый «хохолъ», нѣсколько тупой, хитрый, недоучка и самоучка, но человѣкъ съ настойчивостью, характеромъ и огромнымъ честолюбіемъ, отравленный ядомъ случайно свалившейся въ руки власти. Не теоретикъ и не мыслитель — онъ одинъ умѣетъ организовать и дѣйствовать. Черты гайдамачины живы въ немъ, и нѣмцы знали, кто имъ можетъ пригодиться въ соотвѣтствующій моментъ, ибо Петлюра искусно ориентуруется въ трудныхъ положеніяхъ, умѣетъ вліять на людей и организовать ихъ. Самый умный, разсудительный, разсчетливый, наиболѣе теоретически и политически подготовленный, наиболѣе дальновидный, скрытный и по крестьянски себѣ на умѣ, хотя и не изъ крестьянской среды, часто остающійся въ меньшинствѣ и замыкающійся въ сознаніи своей правоты и превосходства, Н. В. Поршъ раньше другихъ уловилъ необходимость ориентаціи самостоятниковъ на антанту, хотя раньше былъ убѣжденнымъ германофиломъ. Другія фигуры украинскихъ самостоятниковъ менѣе ярки и опредѣленны, поэтому онѣ и менѣе опредѣлялись въ практической политикѣ и дѣятельности. Интереснѣе другихъ А. Маціевичъ, образованный агропомъ, В. Леонтовичъ (не социалистъ), — писатель беллетристъ и украинецъ-индивидуалистъ, С. Ефремовъ — публицистъ и историкъ литературы, трудолюбивый работникъ и постоянно шедшій впередъ мыслитель.

Въ общемъ, у власти оказалась молодежь соціалистически настроенная: Д. Антоновичъ — прямолинейный націоналистъ, способный, но лѣнивый, А. Шульгинъ — работающій и способный молодой сепаратистъ, Ткаченко — украинецъ англазированной виѣшности и слабой мысли, Голубовичъ, о которомъ рѣчь еще впереди — и другія еще менѣе извѣстныя своей дѣятельностью фигуры и лица.

Изъ военныхъ сколько-нибудь выдавался, какъ политически воспитанный, украинецъ по симпатіямъ, ген. Оберучевъ, но это былъ умѣренный с. р. и не шови-

нисть и его смысла, такъ же какъ и В. П. Науменко, волна лѣвизны и крайняго націонализма.

Какіе же въ этихъ условіяхъ могли быть плоды мирной работы, общественнаго строительства? Разсчитанныя на успѣхъ звонкія фразы, гдѣ поносился русскій (московскій) централизмъ — на нихъ дѣлалъ свою карьеру М. С. Грушевскій. Универсалъ о самостоятельности Украины, какъ плодъ усилій закулисной дѣятельности В. Винниченко и его компаніи. Универсалъ о социализаціи земли, какъ легкой и дешевый продуктъ коллективнаго творчества. Въ практической сферѣ дѣятельности все это сводилось къ жалкой борьбѣ съ безобидными вывѣсками, которыя перекрашивались въ національные цвѣта — синій и желтый и переводились на украинскій языкъ. Много и долго возились съ красивымъ, ампирнымъ двуглавымъ орломъ на зданіи Педагогическаго Музея на Большой Владимирской улицѣ, выстроенномъ С. Могилевцевымъ и захваченномъ Центральной Радой вопреки всякому закону. Къ зданію въ стилѣ ампира никакъ не подходилъ новый украинскій государственный гербъ, т. наз. знакъ Владимира Святого — въ видѣ трезубца: сдѣлали нѣсколько пробъ и, по счастью, бросили это безплодное усиліе. Въ существѣ своемъ все начинанія сводились лишь къ крикливымъ деклараціямъ, выбрасыванью извѣстныхъ флаговъ, лозунговъ, въ области же практики и реальныхъ житейскихъ отношеній, возьмемъ ли мы область управленія, суда, землеустройства — ровно ничего не было сдѣлано, кромѣ введенія украинскаго языка въ дѣлопроизводство.

Такъ же, какъ и въ коренной Россіи, социализація земли кончилась грабежомъ имѣній, насиліями, издѣвательствами, иногда убійствомъ помѣщиковъ. Такъ, напр., въ Черниговскомъ уѣздѣ была звѣрски убита цѣлая семья помѣщиковъ Комаровскихъ изъ 12 человекъ. Когда тяжело раненые, не добитые несчастные умоляли дать воды, убійцы отвѣчали: «Подохнешь и такъ!»... Въ семи верстахъ отъ Чернигова убиты были мои родственники, отецъ и сынъ Дзвонкевичи. Моему двоюродному дѣду, старику, было 93 года, а его сыну за 60 лѣтъ, причемъ этотъ послѣдній болѣе 30 лѣтъ своими руками обрабатывалъ свою землю, пахалъ, косилъ, вставалъ съ восходомъ солнца, словомъ, цѣлкомъ жилъ обычной жизнью заправскаго крестьянина.

Людей убивали, усадьбы горѣли и разорялись, а социализація оставалась пустымъ звукомъ. Украинскіе крестьяне, собственники земли, особенно зажиточные, а такихъ на Украинѣ было весьма много, были поголовно противъ опасныхъ затѣй социализаціи, такъ же, какъ и противъ земельныхъ комитетовъ, но, боясь мести, молчали и не возражали противъ сознаваемаго озорства и безобразій: раздѣла скота, хлѣба помѣщичьихъ экономій и пр. Когда мнѣ лично приходилось бесѣдовать съ тѣми изъ нихъ, кого я зналъ съ дѣтства, они потихоньку признавались:

— «Мы бы Вамъ всѣхъ ихъ выдали смутьяновъ и грабителей, только на одномъ условіи: чтобы они больше къ намъ не вернулись.» Боязнь мести опредѣляла весьма многое въ отношеніи къ происходившей кругомъ анархіи.

По моему глубокому убѣжденію, украинскіе социалисты во всей области законодательства обнаружили не больше творчества, чѣмъ ихъ товарищи большевики въ періодъ ихъ сидѣнія въ Смольномъ Институтѣ. У нихъ не хватило храбрости быть послѣдовательными до конца на манеръ большевиковъ, но все же къ чести ихъ нужно сказать, что они не дѣйствовали терроромъ, пыткой и разстрѣлами. Безсильные прекратить анархію, которую они сами вызвали своимъ наивнымъ «законодательствомъ», они — и въ этомъ ихъ огромное отличіе отъ большевиковъ, не обагривши еще тогда рукъ своихъ ни поощреніемъ, ни одобреніемъ, ни моральнымъ участіемъ въ кровопролитіи. Но въ украинской интеллигенціи сказалась общая черта съ русской интеллигенціей: партійное доктринерство вытравило всякое представленіе о

реальныхъ жизненныхъ взаимоотношеній и, упрямо губя свою родину и свое собственное будущее, украинцы, какъ и русскіе, создали себѣ кумировъ изъ сухихъ формулъ и лишенныхъ внутренняго содержанія формъ и трафаретовъ.

Пользуются ли національно настроенные украинцы довѣріемъ широкихъ массъ населенія, во имя которыхъ они дѣйствуютъ и именемъ которыхъ такъ часто злоупотребляютъ? Пользуется ли «украинизація» симпатіями широкихъ массъ населенія Украины? Нужно разъ, хотя бы, высказать ту истину, что въ той исторической стадіи, въ какой жило тогда населеніе Украины, оно было болѣе, чѣмъ равнодушно ко всякимъ попыткамъ и затѣямъ украинизаціи. Украинцы слишкомъ много лгали на эту тему. Городская демократія къ украинизаціи школы, напр., относилась просто отрицательно. Какъ показали грустныя событія и переживанія Кіева, Харькова, Одессы, населеніе городовъ вездѣ имѣетъ явную склонность къ большевизму, а деревня вездѣ жаждала одного: земли!

Тотъ, кто обѣщаль землю, и являлся властителемъ деревни. И впредь проблема власти остается открытой въ той же плоскости: только тотъ создастъ власть и на Украинѣ, и въ Россіи, кто укрѣпитъ право на землю за крестьянствомъ и создастъ гарантію отъ социализаціи и всякихъ видовъ экспроприаціи.

Украинскіе с. р.—ы, составлявшіе большинство въ той массѣ интеллигенціи или, лучше сказать, полуинтеллигенціи, которая служить въ земствахъ, кооперативахъ, чиновниками въ разнаго рода правительственныхъ учрежденіяхъ и т. п., обѣщали всю землю крестьянамъ. Это единственное дѣйствительное средство получить голоса деревни. И это нужно имѣть въ виду для пониманія дальнѣйшихъ развернувшихся событій.

Если еще нужно безпристрастное свидѣтельство полного провала идеи «украинизаціи» и «сепаратизма», то слѣдуетъ обратиться къ вполне надежному и безпристрастному свидѣтельству нѣмцевъ, которые были заинтересованы углубленіемъ «украинизаціи» для успѣха расчлененія Россіи*. Черезъ два мѣсяца пребыванія въ Кіевѣ нѣмцы и австрійцы, занимавшіе Одессу, посылали обстоятельный докладъ въ Берлинъ и Вѣну въ совершенно тождественной редакціи. Нѣмецкое Высшее Военное Командованіе, составившее этотъ докладъ (я имѣлъ его въ рукахъ только на $\frac{1}{2}$ часа и имѣлъ возможность лишь бѣгло просмотрѣть этотъ обстоятельный и интересный документъ), доносило, что изъ всѣхъ учреждений на Украинѣ единственно стоящее на высотѣ задачи и имѣющее авторитетъ среди населенія — это судъ и его дѣятели, все же остальное далеко не на высотѣ задачи. Если немного усовершенствовать устарѣвшіе въ нѣкоторыхъ областяхъ законы, то, опираясь на судъ и военную силу, можно управлять страной. Далѣе докладъ краснорѣчиво доказывалъ, что существующее правительство не въ состояніи водворить въ странѣ необходимый порядокъ, что изъ украинизаціи практически ничего не выходитъ, ибо населеніе стремится къ русской школѣ и всякій украинецъ, поступающій на службу, хотя бы сторожемъ на желѣзную дорогу, стремится и говорить, и читать по русски, а не по украински. Общій же выводъ былъ тотъ, что желательнo объявить открыто и легально оккупацію края нѣмецкой военной силой. Это было въ 20-хъ числахъ апрѣля 1918 года.

Да и въ практикѣ своей нѣмцы мало вниманія и уваженія удѣлили украинскому языку: люди практики, они видѣли, что все населеніе прекрасно понимаетъ русскій языкъ, а потому объявленія свои они печатали на русскомъ языкѣ, если учились, то учились русскому, а не украинскому языку и т. д. Пробѣжавъ вышеупомянутый документъ, я понялъ, что дни Центральной Рады и министерства Голубовича сочтены.

* См. Dr. P. Rorbach. *Russland und wir*. Berlin, 1915.

VI.

Вокругъ генерала Павла Петровича Скоропадскаго сгруппировались все анти-соціалистическіе элементы Украины, начиная отъ крупныхъ помѣщиковъ и кончая мелкими земельными собственниками-крестьянами «хліборобами», все политическія партіи правѣе социалистовъ, начиная отъ к. д. Это былъ достаточно сплоченный анти-соціалистическій блокъ безъ партійныхъ разномыслій и безъ національной розни. За нимъ пошли и русскіе, и евреи, и украинцы, и поляки, и кадеты, и октябристы. Но что бы ни говорили враги Скоропадскаго, въ основѣ организациі «хліборобовъ», которая на съѣздѣ 29-го апрѣля объявила генерала Скоропадскаго Гетманомъ всея Украины, была сильная группа настоящихъ крестьянъ-собственниковъ, для которыхъ смертельной угрозой былъ универсалъ о социализациі земли. Переворотъ отъ народной украинской республики къ гетманству могъ совершиться, конечно, только при содѣйствіи и съ согласія нѣмецкой власти, такъ какъ какими либо собственными реальными силами ген. Скоропадскій не располагалъ. Сдѣлано все было чрезвычайно аляповато и грубо: нѣмцы даже не соблюли *desoim'a* нейтралитета. Дѣло съ внѣшней стороны обошлось такъ.

Въ теплый, благоуханный, апрѣльскій день, около 3-хъ часовъ пополудни, къ зданію, гдѣ засѣдала Центральная Рада, т. е. къ Педагогическому Музею на Владимирской улицѣ, направились небольшіе отряды нѣмецкихъ солдатъ. Двумя шеренгами солдатъ, поставленными поперекъ широкой улицы, отгородили участокъ противъ Педагогическаго Музея — первый со стороны Фундуклеевской улицы, второй — отъ Бибиковского бульвара: подходы къ зданію, гдѣ засѣдала Центральная Рада, были отрѣзаны. Небольшой отрядъ нѣмецкихъ солдатъ подъ командой офицера вошелъ въ зданіе Ц. Р. Черезъ часъ или максимум 1½ изъ зданія Ц. Р. былъ выведенъ арестованнымъ премьеръ Голубовичъ и увезенъ въ каретѣ внизъ по Фундуклеевской улицѣ. Я наблюдалъ за этими наружными операціями, стоя на углу Фундуклеевской и Владимирской улицъ, въ рядахъ небольшой группы лицъ, случайныхъ прохожихъ и выбѣжавшихъ изъ кафэ отеля Метрополь съ противоположнаго угла по діагонали. Было около 4-хъ часовъ дня, послѣобѣденное для кіевлянъ время. Ко мнѣ подошелъ прис. пов. В., бывший очевидцемъ того, что произошло внутри зданія Ц. Р., такъ какъ мой знакомый былъ въ числѣ публики, присутствовавшей на открытомъ засѣданіи Рады. Вотъ рассказъ очевидца, посторонняго наблюдателя.

«Маленькій отрядъ вооруженныхъ нѣмецкихъ солдатъ вошелъ въ залъ засѣданія Рады, оставивъ стражу у всехъ выходовъ залы. — «Руки вверхъ!» — скомандовалъ нѣмецкій офицеръ. Все подняли руки, кромѣ проф. М. С. Грушевскаго, который смущенный остался сидѣть на предсѣдательскомъ креслѣ. Выпустили сначала публику, провѣряя документы, потомъ членовъ Рады, задержали только нѣкоторыхъ членовъ правительства.»

Потомъ я узналъ нѣкоторыя подробности. Не обошлось безъ издѣвательства. Такъ, министра иностранныхъ дѣлъ — 20-лѣтняго юношу, студента 2-го или 3-го курса, поставили лицомъ въ уголь и велѣли не двигаться. Былъ произведенъ обыскъ, выемка документовъ, причемъ обыску подвергся и столъ предсѣдателя Рады, проф. М. С. Грушевскаго.

Послѣ увоза нѣмцами премьера Голубовича я поднялся вверхъ по Владимирской на Софійевскую площадь. Туда скоро хлынула съ Крещатика по Софійевской улицѣ значительная толпа народу и скоро подъѣхалъ въ автомобилѣ ген. П. П. Скоропадскій, только что прокламированный «хліборобами» гетманомъ. Онъ былъ въ черной

черкескѣ съ георгіевскимъ крестомъ на груди. Его стройная, красивая фигура и красивый, римскій профиль производили свой эффектъ. На площади, передъ колокольней Софійевскаго собора, отслуженъ былъ молебенъ. Картина была очень красивая при мягкихъ лучахъ на закатѣ стоящаго всепеняго солнца. Голубое небо, свѣжая весенняя зелень... серьезный и торжественный звонъ колоколовъ...

Долго не расходились толпы любопытныхъ городскихъ обывателей, среди которыхъ выдѣлялись группы серьезныхъ, настоящихъ крестьянъ — «хліборобовъ». Въ настоящихъ, бытовыхъ своихъ костюмахъ, съ «вышиваными сорочками», въ «чеміркахъ», они долго еще служили предметомъ всеобщаго вниманія.

Къ нимъ подходили, ихъ разспрашивали, говорили они настоящимъ народнымъ, образнымъ, часто полнымъ юмора, украинскимъ языкомъ. Такими же были, навѣрное, и ихъ Переяславскіе предки, заключившіе договоръ съ Россіей. Много уравнищенности, спокойствія, привычки къ невгодамъ и упорному труду выражали эти настоящіе хозяева Украины.

VII.

Такъ чисто и гладко, безъ единого выстрѣла съ чьей бы то ни было стороны, ликвидирована была Центральная Рада, къ общему удовольствію особенно кіевлянъ, которые относились къ украинскому парламенту съ нескрываемымъ недружелюбіемъ, ничего путнаго отъ него не ожидая. Переворотъ произошелъ мирно и безъ пролитія крови. Украинскіе социалисты бросились къ всемогущему, умному генералу Гренеру, умоляя его оставить имъ власть. Мнѣ пришлось слышать, категорически утверждать этого не берусь, что украинцы вели себя безъ всякаго достоинства, приносили въ жертву свою программу, особенно земельную, но генералъ Гренеръ остался неумолимъ и отвѣчалъ украинцамъ: «Zu spät!»

Переворотъ, какъ мы видѣли выше, вовсе не нуждался въ военной организаціи, объ этой сторонѣ дѣла, почти не требовавшей усплій, позаботились нѣмцы.

Но гражданскія силы заговора собиравались такъ открыто и свободно, что у насъ въ кварталѣ объ этомъ, что называется, щебетали «воробыи на крышахъ».

Организація власти не давалась въ руки неопытнымъ абсолютно въ политической жизни провинціальнымъ профессорамъ, ученымъ, земцамъ и разнаго рода чиновникамъ.

Долго еще возились на «конспиративной» квартирѣ д-ра Ю. В. Любинскаго съ составленіемъ «министерства».

Наскоро объявленнаго Предѣдателемъ Совѣта Министровъ добраго и симпатичнаго любителя лошадей Н. Н. Сохно-Устимовича (онъ былъ потомъ разстрѣлянъ большевиками) смѣнилъ скоро временный премьеръ проф. Н. П. Василенко, а тѣмъ временемъ послали гонцовъ разыскивать намѣченнаго въ постоянные премьеры извѣстнаго земскаго дѣятеля, Θεодора Андреевича Лизогуба, который очень медлил со своимъ пріѣздомъ въ Кіевъ. Нескоро, однако, кабинетъ окончательно сконструировался* и приступилъ къ своей работѣ.

* Первый кабинетъ былъ въ такомъ составѣ: Предѣдатель Совѣта Министровъ и Мин. Внутр. Дѣлъ О. А. Лизогубъ, Министръ Юстиціи — М. П. Чубинскій, Мин. Нар. Пр. — Н. П. Василенко, Мин. Финансовъ — А. К. Ржевецкій, Мин. Земледѣлія и Продовольствія — Ю. Ю. Соколовскій, Мин. Промысл. и Торг. — С. М. Гутникъ, Мин. Труда — Ю. Н. Вагнеръ, Мин. Здравоохраненія — Ю. В. Любинскій, Госуд. Секретарь — Н. А. Кистяковскій, Военный Министръ — ген. Рогоза, Мин. Иностр. Дѣлъ — Д. И. Дорошенко, Мин. Путей Сообщ. — инж. А. И. Бутенко, Мин. Исповѣданій — В. В. Зѣньковскій.

Эпилогомъ отношеній нѣмцевъ съ украинцами-соціалистами былъ судебный процессъ, который долженъ былъ оправдать образъ дѣйствій нѣмецкой власти по отношенію къ правительству и Центральной Радѣ. Судили дѣйствія премьера Голубовича, Гаевского и др. второстепенныхъ лицъ. Я не буду рассказывать здѣсь перипетій извѣстнаго гласнаго процесса, гдѣ д-ръ Трейде, нѣмецкій обвинитель, не пожалѣлъ красокъ, чтобы изобразить полную фигуру Голубовича и его дѣяній. Голубовичъ въ своемъ послѣднемъ словѣ наивно просилъ судей: «не судите по мнѣ о моей партіи». Такъ безславно окончила свои дни Центральная Рада и ея правительство.

VIII.

Событія развивались съ такой фееричной быстротой, что за ними трудно было поспѣвать мысли и психикѣ неподвижнаго и непривыкшаго къ политическому мышленію обывателя, а жизнь требовала рѣшенія на каждомъ шагу.

Какъ смотрѣть на *coup d'état*, въ центрѣ котораго стояла фигура ген. П. П. Скоропадскаго? Идти или не идти рабстать въ создавшихся условіяхъ?

«Нѣмецкій ставленникъ!» — «Измѣнникъ Россіи!» — «Измѣнникъ Антанты!». Не было, кажется, достаточно сильно клеймящихъ эпитетовъ въ устахъ непримиримыхъ, прямолинейныхъ російскихъ патріотовъ. В. В. Шульгинъ и его единомышленники покинули Кіевъ и уѣхали на Донъ.

Менѣе прямолинейные подходили къ вопросу спокойнѣе, стараясь оцѣнить объективно сложившіяся обстоятельства и создавшуюся общую обстановку и въ нихъ искать выхода въ будущее. Разсуждали приблизительно такъ:

1) Не мы виновны въ появленіи нѣмцевъ. Но нѣмецкая оккупация Украины — объективный фактъ, котораго никакъ не выкинешь изъ исторіи Кіевской Руси.

2) Нѣмцы согласны на образованіе мѣстнаго правительства изъ умѣренныхъ элементовъ. Они берутся своими силами обезпечить порядокъ внутри, не допустивъ разлитія большевизма и оградивъ Украину отъ его проникновенія извнѣ.

3) Въ случаѣ отказа въ сотрудничествѣ, нѣмцы, очевидно, объявятъ Украину легально оккупированной страной. Мы не въ состояніи, совершенно беспильны оказать какое-либо сопротивление иноземной силѣ. Нѣмцы, какъ это было въ Бельгій и въ Польшѣ, вывезутъ все, что только можно: и въ первую голову хлѣбъ и всѣ огромные запасы и склады военнаго матеріала и имущества, которымъ набиты были интендантскіе склады Украины. И это послѣднее едва ли въ интересахъ края и будущей Россіи, вѣра въ которую не покидала, едва ли это также въ интересахъ Антанты и незаконченной еще войны, ибо борьба самая ожесточенная и тяжкая на западномъ фронтѣ еще продолжалась.

Сомнѣнія, какъ извѣстно, громаднымъ большинствомъ разрѣшены были положительно, т. е. въ сторону сотрудничества и поддержки генерала П. П. Скоропадскаго.

IX.

Въ какихъ чертахъ рисуется намъ образъ ген. П. П. Скоропадскаго? Постараюсь въ общихъ, объективныхъ чертахъ изобразить его портретъ, хотя всякій пойметъ трудность такой задачи.

Потомокъ стародубскаго полковника Скоропадскаго, бывшаго гетманомъ Украины съ 1708 по 1722 г., крупный помѣщикъ Черниговской и Полтавской губерній, женатый на дочери генерала П. П. Дурново, воспитанникъ Пажескаго Е. И. В. Кор-

пуса — Павелъ Петровичъ Скоропадскій и по рожденію, и по воспитанію, и по службѣ, и по связямъ принадлежитъ цѣликомъ придворной русской аристократіи, той части русскаго или украинскаго дворянства, которая дѣлала карьеру при Дворѣ.

Состояніе Скоропадскаго, хотя и уступало по размѣрамъ состоянію Сумароковыхъ-Эльстонъ, Балашевыхъ, Строгановыхъ, но все же стояло въ ряду первыхъ мѣсть, далеко уступая, однако, крупнымъ состояніямъ извѣстныхъ американскихъ милліардеровъ. Несмотря на богатство и знатность рода, П. П. Скоропадскій можетъ быть причисленъ къ демократамъ по взглядамъ и убѣжденію: это человѣкъ искренне и глубоко любящій украинское крестьянство, среди котораго онъ выросъ, гдѣ выросло и окрѣпло его самосознаніе, какъ украинца.

Если прибавить къ этому его доброту, постоянное и искреннее желаніе всѣмъ придти на помощь, привѣтливость и подкупающую наружность, то станетъ весьма понятной способность его привлекать сердца и симпатіи окружающихъ людей. Человѣкъ личной храбрости, хотя и нервный, это въ то же время человѣкъ риска и фаталистъ — такимъ сдѣлало его, вѣроятно, военное ремесло.

Нечего, конечно, и говорить о томъ, что къ той роли, какую ему навязалъ слѣпой капризъ исторіи, П. П. Скоропадскій ни въ какомъ отношеніи подготовленъ не былъ, и уже, конечно, не мечталъ о воскрешеніи изъ прошлаго и отжившаго — исторической археологіи — гетманства, когда послѣ развала фронта въ 1917 году осенью съ трудомъ добрался до Кіева. Былъ лишь одинъ моментъ, опредѣлявшій будущее: порученная ему центромъ украинизація корпуса свела его въ украинскую среду, въ кругъ офицерства, націоналистически настроеннаго.

Эти сильныя переживанія были послѣдними впечатлѣніями, увезенными имъ съ разсыпавшагося фронта.

Съ другой стороны, тянули связи, привычныя отношенія съ придворной знатію и петербургской аристократіей.

Мягкій до безхарактерности, доброжелательный до легкомыслія, онъ всѣмъ хотѣлъ сдѣлать добро и пріятное, а потому въ жизненныхъ, глубокихъ противорѣчіяхъ не умѣлъ выдержать строгую и опредѣленную линію поведенія.

Если прибавить къ этому весьма сложную политическую конъюнктуру, въ которой родилась Народная Украинская Республика, вспомнить, что воспріемницей гетманства была Германія, то изъ сказаннаго ясны будутъ всѣ тѣ исключительныя трудности, какія предстояло урегулировать гетману «Всеі Украіны». Тутъ нуженъ былъ исключительной проницательности и широкаго политическаго кругозора умъ и спеціальныя дарованія, которыхъ не доставало Скоропадскому.

Окруженный льстецами и часто ничтожными людьми, онъ, привыкшій къ этой атмосферѣ, не замѣчалъ ея исключительной неумѣстности въ переживавшійся тяжкій моментъ. И все же, всегда и вездѣ онъ оставался тѣмъ, чѣмъ былъ, т. е. совершеннымъ джентельменомъ въ англійскомъ пониманіи этого слова. Въ не столь сложное, отвѣтственное время онъ былъ бы, думается, не плохимъ конституціоннымъ правителемъ. Если мотивы самолюбія и честолюбія могли играть роль въ той исторической драмѣ, гдѣ центральной фигурой былъ П. П. Скоропадскій, то мы, конечно, не должны забывать, что покупалось все это не дешевой цѣной. Не у всѣхъ даже хватало и не у многихъ хватило бы храбрости возложить на свои плечи бремя гетманской власти.

Нельзя поэтому не одобрить тѣхъ, кто рѣшилъ раздѣлить съ П. П. Скоропадскимъ бремя этой власти.

Первымъ за себя и положительно рѣшилъ этотъ вопросъ профессоръ Кіевскаго Университета Н. П. Василенко, б. тов. Мин. Нар. Пр. при Временномъ Правительствѣ въ Петербургѣ, принадлежавшій къ партіи к-д. и умѣренный націоналистъ-украи-

пецъ. Человѣкъ въ высшей степени честный, спокойный и добросовѣстный, онъ много труда положилъ на формироваіе перваго кабинета министровъ Скоропадскаго, куда онъ вошелъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія и временно премьеръ-министромъ и Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ. Впослѣдствіи предсѣдатель Сената, онъ пользовался все время большимъ вліяніемъ у Скоропадскаго и значительнымъ авторитетомъ въ Совѣтѣ Министровъ.

Человѣкъ чистый, лично ничего не искавшій, культурный украинецъ и другъ Россіи, онъ, къ сожалѣнію, мало импонировалъ нѣмцамъ, не находилъ достаточно твердости въ сношеніяхъ съ ними. Работалъ онъ чрезвычайно интенсивно, спокойно, стараясь создать мирныя отношенія между украинцами и русскими.

Оедоръ Андреевичъ Лизогубъ, сразу намѣченный въ премьеръ-министры, происходилъ изъ старой украинской фамиліи Черниговской губерніи. Земець-октябристь, хорошо знавшій земское дѣло, русскій человѣкъ до мозга костей, онъ оказался слабымъ въ руководствѣ работами кабинета и недостаточно дипломатомъ для чрезвычайно запутаннаго и отвѣтственнаго момента въ положеніи Украины, въ ея чрезвычайно деликатныхъ и сложныхъ отношеніяхъ съ Германіей, Антантой и, главное, съ Россіей. Подъ его предсѣдательствомъ совѣтъ министровъ больше похожъ былъ на земское собраніе. Засѣдали чуть не ежедневно съ 9 ч. вечера до 2—3, иногда до 5—6 часовъ утра, тратили много времени на рѣшеніе элементарныхъ вопросовъ, но не было никакого плана законодательной работы, какъ не существовало и опредѣленной, стройной, выдержанной политики ни въ области экономической, ни въ области внутренняго управленія. Каждое вѣдомство работало по своему, не считаясь съ смежными, законодательствовали случайно, au jour le jour и, когда накладывали законодательную заплатку на какую-нибудь случайную дыру законодательнаго кафтана, непрочная ткань его расползалась по сосѣдству.

Такъ, напр., Министръ Юстиціи М. П. Чубинскій все свое вниманіе сосредоточилъ на созданіи Сената. Сенатъ и былъ дѣйствительно созданъ чуть ли не изъ $\frac{3}{4}$ бывшаго сената Россійской Имперіи, что для Украины, жившей подъ иностранной оккупаціей, было ненужной роскошью, а на мѣстахъ не было судебныхъ слѣдователей и преступность росла и развивалась, благодаря безнаказанности преступленія.

Цѣлый рядъ обвиненій сформулированъ былъ Министерствомъ Промышленности и Торговли противъ Министерства Путей Сообщенія, которое, по словамъ доклада В. А. Ауэрбаха — «организацію — первое требованіе желѣзнодорожнаго хозяйства — замѣнило украинизаціей» — намекъ на крайности въ этомъ направленіи, практиковавшіяся въ вѣдомствѣ, вопреки серьезнымъ интересамъ дѣла. Въ другомъ вѣдомствѣ, наоборотъ, хорошимъ тономъ были насмѣшки надъ «украинской мовой» (языкомъ). Словомъ, примѣровъ отсутствія плана и единства въ дѣйствіяхъ можно было бы набрать сколько угодно.

Если подвести итоги дѣятельности перваго министерства Гетмана Скоропадскаго съ мая до половины октября, т. е. за періодъ времени около полугода, то министерство это выступаетъ предъ нами со слѣдующими чертами:

1) Министерство это не было сепаратистскимъ или антирусскимъ. Оно жило надеждой на возрожденіе Россіи и всеми силами хотѣло помочь Россіи на пути къ этому возрожденію. (См., напр., такой документъ, какъ записка 10 министровъ отъ 10 октября 1918 г.) Въ работѣ этого министерства принимали участіе, между многими другими лицами русскаго происхожденія и направленія: С. Н. Гербель, Г. Е. Афанасьевъ, Г. Г. Лерхе, сенаторъ С. В. Завадскій, Сементовскій-Курилло, фонъ-Замель, обвиненіе которыхъ въ измѣнѣ Россіи не только фактически не можетъ быть обосновано, но и просто неумно.

2) Министерство это всѣми своими силами старалось поддержать Украину въ ея борьбѣ съ анархіей и дать просторъ развитію ея культурныхъ силъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ оно отнюдь не было анти-украинскимъ, въ чемъ его обвиняли съ другой стороны. Не слѣдуетъ придиратся къ частностямъ. Вообще же, было дано много доказательствъ уваженія къ украинскому языку и слову. Много довѣрія было оказано украинскимъ силамъ, и не вина Гетмана Скоропадскаго и его министровъ, если Украина оказалась очень бѣдной культурными силами, необходимыми для созидательной работы. Для отвѣтственной работы требовалось много спеціальныхъ, техническихъ знаній, а потому для занятія нѣкоторыхъ видныхъ и важныхъ постовъ приходилось по необходимости обращаться къ неукраинскимъ элементамъ. Вина вата въ этомъ вся предшествующая исторія, а никоимъ образомъ не Скоропадскій.

3) Въ основѣ своей направленіе Гетмана Скоропадскаго и его министерства было либерально-демократическое. Преслѣдовались цѣли, принимались мѣры, имѣвшія въ виду благо всей массы населенія, всѣхъ его слоевъ и классовъ. Правда, министерство внутреннихъ дѣлъ иногда прибѣгало къ мѣрамъ репрессивнаго характера, но время было такое, что всякая мягкость (а ея со временъ революціи было проявлено слишкомъ много, а послѣдствія ея оказались совершенно фатальными) принималась за признакъ слабости власти и поднимала настроеніе у тѣхъ элементовъ, которые противопоставляли себя власти. Такъ, напримѣръ, демагогическія, а не демократическія въ своей основѣ, городскія думы тяжелымъ камнемъ фатально, быть можетъ, сами того не замѣчая и не отдавая себѣ въ этомъ отчета, тянули въ пучину большевизма. Обвиненія въ недемократичности, реакціонности, имперіализмъ и т. п. у насъ распространяются съ легкостью поразительной и вмѣстѣ съ легкомысліемъ, которое въ своей наивности было бы еще простительно, если бы часто не было совершенно преступно.

У насъ вообще въ модѣ всякаго рода обвиненія и мало обоснованныя, огульныя сужденія. Сколько самыхъ злостныхъ выпадовъ, обвиненій, мало обоснованныхъ и часто вовсе недобросовѣстныхъ, было высказано въ печати по адресу ген. П. П. Скоропадскаго! Я пишу эти строки, отнюдь не имѣя въ виду апологій ген. Скоропадскаго, сдѣлавшаго рядъ большихъ промаховъ и огромныхъ ошибокъ, но я предложилъ бы его обвинителямъ задать себѣ слѣдующій вопросъ: что приобрѣталъ ген. Скоропадскій, идя въ совершенно исключительно тяжкихъ условіяхъ на роль гетмана? Удовлетвореніе честолюбивыхъ замысловъ? Но это покупалось слишкомъ дорогой цѣной.

«Жизнь моя личная была сплошнымъ адомъ въ періодѣ гетманства» — писалъ мнѣ П. П. Скоропадскій въ началѣ 1920 года изъ Швейцаріи.

И тѣ, кто видѣлъ и дѣйствительно умѣлъ наблюдать условія жизни въ Кіевѣ, скажутъ, что въ этихъ простыхъ словахъ нѣтъ преувеличенія. Скоропадскій пошелъ на шагъ, на который другіе не рискнули. Въ этомъ шагѣ, что бы ни говорили, былъ элементъ сознательной жертвы.

Рисковать ежеминутно своей жизнью — этому могла научить ген. Скоропадскаго только 3-лѣтняя война, активнымъ участникомъ которой онъ былъ въ самыхъ отвѣтственныхъ мѣстахъ фронта. Обстановка, повторяю, была исключительно трудная.

«Если бы мнѣ пришлось повторить опять всю исторію, я, по совѣсти, не могъ бы поступить иначе, чѣмъ я поступилъ» — писалъ мнѣ въ другомъ письмѣ П. П. Скоропадскій.

При личномъ, болѣе близкомъ знакомствѣ съ П. П. Скоропадскимъ, которое относится къ концу 19 и началу 20 года, я нашелъ въ немъ человѣка, который:

1) Совершенно искренне ненавидѣлъ старый режимъ.

2) Проводилъ идею децентрализаціи, а не сепаратизма*.

3) Считалъ совершенно необходимымъ создать условія для свободнаго развитія украинскаго народа, ибо онъ вѣритъ въ существованіе, даже въ настоящій моментъ, культурныхъ силъ на Украинѣ.

П. П. Скоропадскій утверждаетъ, что онъ все свое личное вліяніе употребилъ на радикальное рѣшеніе аграрнаго вопроса въ пользу крестьянъ, и онъ всегда съ горечью говоритъ о тѣхъ элементахъ на Украинѣ, которые оказали оппозицію и противоѣдѣствіе проведенію на Украинѣ аграрной реформы въ интересахъ широкихъ массъ крестьянства.

Не забудемъ и того, что періодъ гетманства былъ временемъ полной національной терпимости и признанія равноправія національностей.

Не были ли приняты всѣ мѣры, чтобы пріютить всѣхъ бѣжавшихъ изъ коренной Россіи отъ террора большевиковъ, спасти ихъ имущество и жизнь, сохранить, по возможности, больше культурныхъ силъ Россіи?

Въ Кіевѣ происходило формированіе, такъ называемой, южной арміи для борьбы съ большевиками, поддержанной затѣмъ, послѣ соглашенія съ ген. П. Н. Красновымъ, и оружіемъ, и деньгами.

Наконецъ, гетманскій періодъ не зналъ вовсе еврейскаго вопроса, какъ такового, со всѣми его отвратительными чертами: не было ни еврейскихъ погромовъ, ни какихъ либо иныхъ преслѣдованій на религіозно-національной почвѣ. Нѣкоторыя дикія выходки украинской прессы гасли въ атмосферѣ, неблагопріятной для культа національной розни. Наоборотъ, защита интересовъ евреевъ, какъ равноправныхъ гражданъ Украины, велась опредѣленно и въ очень настойчивыхъ выраженіяхъ передъ лицомъ австрійскаго военнаго командованія, гдѣ иногда обнаруживались тенденціи къ средневѣковымъ мѣрамъ по отношенію къ еврейскому населенію**.

Да, Скоропадскій взялся за задачу, которая требовала и болѣе сильной воли, и болѣе яснаго творческаго пониманія, и совершенно исключительной твердости въ борьбѣ съ мало-сознательными элементами населенія. Не онъ создалъ событія, а событія создали его.

Справедливы ли поэтому упреки, адресуемые Скоропадскому? Этотъ упрекъ въ равной мѣрѣ падаетъ на все антибольшевистское движеніе и всѣ бѣлые фронты одинаково. Внутренняя логика событій, процессъ социальный — въ ходѣ русской революціи были безконечно сильнѣе, какъ условій отдѣльныхъ лицъ, именами которыхъ возглавлялись мѣстные попытки реакціи противъ большевизма, такъ и всей идеологій интеллигентной Россіи, которая съ негодными средствами пыталась бороться съ стихіей. Этой стихіей владѣли и овладѣли одни только большевики и это потому, что они сразу же влились въ ея мощный, разрушительный потокъ и пошли по теченію за стихіей, и даже, накладывая свой штемпель тамъ, гдѣ имъ того вовсе и не хотѣлось. Таковъ, на примѣръ, Брестъ-Литовскій миръ.

Украина и украинскій народъ слишкомъ мало отличались отъ Россіи по культурнымъ условіямъ, а потому такъ же фатально, какъ Россія, Украина сдѣлалась добычей большевиковъ.

Раньше другихъ ген. Скоропадскій сталъ жертвой исторической неизбѣжности. Часто колеблющійся, неустойчивый, онъ все же, хотя и разбитый, не заслуживаетъ

* Съ тѣхъ поръ П. П. Скоропадскій, къ сожалѣнію, эволюционировалъ сильно въ сторону сепаратистскихъ симпатій.

** Въ Архивѣ Державной Канцеляріи должны были сохраниться по этому вопросу весьма интересные документы.

того моральнаго осужденія, которое на него такъ охотно возлагають. *Primus inter pares* въ несчастія и неудачѣ. Отвѣтственность за эту неудачу ложится морально и на всѣхъ насъ. Послѣдствія ея, какъ крестъ свой, мы несемъ тоже, какъ и тѣ, кто временно сіяли на верху.

Въ положеніи Украины были черты, которыя не позволяли питать особаго оптимизма насчетъ будущаго. Въ Кіевѣ остался написанный мною въ іюлѣ 1918 года литературной документъ, предназначавшійся для французской прессы, извѣстный группѣ моихъ друзей, гдѣ, на основаніи анализа положенія «самостійной» Украины, я предсказывалъ скорую трагическую развязку и приурочивалъ ее опредѣленно къ моменту побѣды союзниковъ надъ нѣмцами на Западномъ Фронтѣ. Отнюдь не съ цѣлью подчеркнуть здѣсь свою прозорливость, упоминаю я объ этомъ, а исключительно для того, чтобы подчеркнуть основную и роковую ошибку въ оцѣнкѣ положенія дѣятелями гетманскаго періода на Украинѣ. Даже такіе, несомнѣнно умные люди, какъ П. А. Кистяковскій и др., были убѣждены непоколебимо въ торжествѣ нѣмецкаго оружія. «Нѣмцы въ августѣ возьмутъ Парижъ, я въ этомъ убѣжденъ» — говорилъ Кистяковскій. И это убѣжденіе, къ сожалѣнію, раздѣлялось почти всѣми.

Не этой ли атмосферой объясняются извѣстныя заявленія П. Н. Миллюкова, сдѣланныя имъ въ Кіевѣ. А если такой опытный политическій дѣятель и глубокій знатокъ международныхъ отношеній могъ ошибиться въ оцѣнкѣ политической конъюнктуры, то насколько это прощительнѣе людямъ менѣе широкаго опыта и кругозора.

Я чувствовалъ себя глубоко одинокимъ въ своемъ непоколебимомъ убѣжденіи въ близкомъ, конечномъ разгромѣ нѣмцевъ. И для этого убѣжденія были несомнѣнно не одни теоретическія соображенія и выкладки, а и болѣе реальныя, объективныя признаки. Я внимательно и пристально слѣдилъ за нѣмцами, ихъ психикой, за тѣмъ, что и какъ они дѣлають и что они говорятъ. Я раньше имѣлъ много случаевъ наблюдать нѣмцевъ и теперь я сравнивалъ то прежнее, что я зналъ о нихъ, съ тѣмъ, что я видѣлъ въ то время въ Кіевѣ. Я ясно и отчетливо наблюдалъ ихъ усталость и какое-то едва уловимое смущеніе. Даже, когда они веселились, съ нихъ не сходилъ какой-то налетъ глубокой грусти. Если Вы долго, серьезно и спокойно развивали имъ мысль о безнадежности затѣи мірового господства, съ ихъ устъ срывались тонкія фразы: «*Unsere innere Lage ist sehr schwer.*» Миѣ казалось, что я вѣрно оцѣнивалъ значеніе ея: неудачи на фронтѣ (о которыхъ ничего не было извѣстно въ Кіевѣ) вызывали опасенія за внутреннюю устойчивость Имперіи.

Изъ указанной выше основной ошибки русскихъ политическихъ дѣятелей на Украинѣ проистекали ошибочные выводы: 1) Украина можетъ рассчитывать на нѣмецкія войска до формировація своей, новой арміи. 2) Украинѣ предстоитъ длительный періодъ самостоятельнаго существованія, ибо таково направленіе Берлинской политики.

Это иллюзорное сознаніе обезпеченнаго спокойствія за нѣмецкими штыками заставляло не торопиться съ выработкой сеймового закона. По этой же причинѣ не торопились и съ аграрнымъ вопросомъ и аграрными законами. Оттого тянули скучную канитель мирныхъ переговоровъ съ большевистской мирной делегаціей, возглавлявшейся Г. Х. Раковскимъ.

Х.

Каково же было внутреннее положеніе страны, наводившее меня на самые грустные выводы уже съ конца іюня мѣсяца?

Прежде всего необходимо констатировать тотъ фактъ, что аппаратъ власти былъ въ конецъ разрушенъ на Украинѣ, какъ и въ коренной Россіи. Новый аппаратъ

создавался въ невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ. Изъ элементовъ, которые всю жизнь свою были въ оппозиціи правительству и вовсе не были воспитаны къ власти, трудно было ее конструировать: они внесли лишь разложеніе и раздраженіе, дискредитируя самое власть, какъ таковую. Новые представители власти не умѣли, часто при лучшихъ намѣреніяхъ, подойти вплотную и авторитетно къ новому для нихъ дѣлу. Старые же дѣятели, часто вновь призванные къ власти, примѣняли слишкомъ старые и ненавистные приемы управленія.

Такіе губерніальные старосты (губернаторы), какъ напр. А. В. Десницкій (въ Мелитополѣ) изъ старыхъ земцевъ, Пищевичъ (въ Херсонѣ), сразу выдвинувшіеся своей дѣловой распорядительностью, были большой рѣдкостью.

Выше мы уже упоминали о крайнемъ недостаткѣ слѣдственныхъ властей и о разстройствѣ судебныхъ функцій. Какъ курьезъ, можно привести случай, когда ревизія камеры мирового судьи установила такой фактъ: мировой судья (изъ новыхъ, назначенныхъ при Ц. Р.) разобралъ всего лишь одно дѣло: о своемъ собственномъ разводѣ со своей супругой.

Анархія сдерживалась одной силой — нѣмецкимъ оружіемъ. Какъ же держали себя нѣмцы въ украинской деревнѣ? Все зависѣло, конечно, отъ личнаго команднаго состава. Мнѣ пришлось лично наблюдать нѣмцевъ, бывшихъ на постахъ въ деревнѣ Каневского у., Кіевской губ., которые не вызвали раздраженія у населенія и не оставили по себѣ дурныхъ чувствъ. За всѣ тѣ продукты, которые они брали у населенія, они исправно платили и ничѣмъ населенія не обижали.

Въ другихъ же мѣстахъ — я читалъ объ этомъ рядъ подробныхъ донесеній и слѣдственныхъ протоколовъ — шелъ прямой, безстыдный и циничный грабежъ. Были случаи во многихъ мѣстахъ, когда помѣщики пользовались нѣмецкой силой для восстановленія своихъ правъ и, въ особенности, возврата своего ограбленнаго имущества (движимости). Это приводило иногда къ такимъ конфликтамъ, что нѣмцамъ приходилось пускаться въ ходъ артиллерію.

Въ общемъ же населеніе подчинялось насилію въ сознаніи своего безспія.

«Что дѣлать, баринъ?» — говорили явившіеся изъ деревни крестьяне, «нѣмцы требуютъ сѣно по 1 рублю за пудъ, а стоитъ оно по 8 рублей; берутъ сало и платятъ по 1 рублю за фунтъ, а въ городѣ Черниговѣ цѣна пять рублей. Какъ тутъ, скажете, быть? Давать или не давать?» Я отвѣчалъ: «Вы же знаете, что наши солдаты, въ томъ числѣ и ваши односельчане, бросили фронтъ и, несмотря на всѣ убѣжденія и предупрежденія, рѣшили прекратить войну. Нѣмецкіе же солдаты пришли вооруженные, они слушаются своихъ офицеровъ и команды; если вы имъ добромъ не уступите, они возьмутъ то, что имъ надо, силой и уже тогда ничего не заплатятъ. А не будетъ нѣмцевъ — придутъ большевики: тѣ уже, конечно, платить не будутъ, а возьмутъ все даромъ. Когда у насъ опять будетъ армія, которая захочетъ слушать офицеровъ — тогда можно будетъ оказать сопротивленіе нѣмцамъ. А безъ арміи, мы, конечно, терпимъ и впередъ будемъ терпѣть обиды.»

Крестьяне стояли въ раздумьи, почесывая затылки — видно разсужденіе это было настолько элементарно и понятно, что возраженій не послѣдовало.

Австрійцы были хуже нѣмцевъ, у нихъ конфликты съ населеніемъ были чаще, чѣмъ у нѣмцевъ, чаще были и жестокія репрессіи, вызывавшія глубокую анархію и разложеніе деревенской жизни. Но тамъ дѣйствовала иноземная сила.

Но еще хуже, разлагающе дѣйствовали появившіеся мѣстами добровольческіе карательные отряды (офицерскіе?). 29—30 іюня я лично имѣлъ случай наблюдать возникновеніе крупныхъ беспорядковъ, вызванныхъ дѣйствіями карателей, въ Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи. Въ с. Б. Букринѣ въ помѣщичьей усадьбѣ

жила моя семья. Вечеромъ 29 іюня я пріѣхалъ въ Букринъ и засталъ свою 15 лѣтнюю дочь страшно взволнованной. Дѣло заключалось въ томъ, что наканунѣ, за два-три дня, въ усадьбу нагрянуло нѣсколько людей въ военной формѣ (офицеровъ?), арестовали нѣсколькихъ крестьянъ, на которыхъ падало подозрѣніе въ грабежѣ имущества экономіи (имѣвшее мѣсто въ періодъ господства Центральной Рады), арестованныхъ крестьянъ связали, били и истязали. Вели себя военные люди чрезвычайно нагло и грубо. Требовали шщи, шли и ѣли, и, конечно, ничего за принесенные имъ продукты не платили. Со слезами на глазахъ рассказывала дочь, какъ на ея глазахъ офицеръ (?) побилъ дѣвочку лѣтъ 12, которая принесла ему хлѣбъ и привѣтливо, съ поклономъ подала ему.

Офицеры (?) скоро уѣхали, а въ сосѣднемъ с. М. Букринѣ крестьяне, узнавъ объ экзекуціи въ Б. Букринѣ, взяли за оружіе и образовали вооруженную банду, которая начала свои агрессивныя дѣйствія противъ жившей въ своей усадьбѣ семьи помѣщика Д. Напуганные обитатели убѣжали въ сосѣдній лѣсъ, гдѣ и провели въ страхѣ всю ночь. На другой день крестьяне того же Букрина, съ которыми Д. былъ всегда въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ, помогли имъ, забравъ кое-что изъ имущества, выѣхать на подводахъ на пароходную пристань.

Ожидая возможныхъ осложненій и въ Б. Букринѣ, я выѣхалъ утромъ 30 іюня на лошадахъ въ Ходоровъ къ пароходной пристани, но туда добраться уже было невозможно, ибо Ходоровъ оказался въ районѣ военныхъ дѣйствій между прибывшимъ изъ Канева небольшимъ военнымъ отрядомъ съ уѣзднымъ старостой (прежній исправникъ) во главѣ, и возставшими крестьянами, которыхъ оказалось уже къ этому времени около 1000 человекъ. Шла пулеметная и ружейная перестрѣлка. Во время этихъ военныхъ операцій былъ тяжело раненъ уѣздный староста, отрядъ его былъ разбитъ и на лодкахъ бѣжалъ за Днѣпръ въ Полтавскую губернію. Ходоровъ былъ занятъ повстанцами. Пришлось намъ возвращаться обратно и ѣхать на Переяславъ, что и удалось безъ всякихъ осложненій.

Обо всемъ мною видѣнномъ и слышанномъ въ связи съ этой исторіей, мною былъ представленъ немедленно подробный письменный докладъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ О. А. Лизогубу. Мнѣ неизвѣстно, чтобы были предприняты какія либо мѣры для обузданія карателей и противъ карательныхъ экспедицій вообще. Извѣстно стало, что для усмиренія разросшагося возстанія вызваны были нѣмцы, а ихъ методы дѣйствій въ этихъ случаяхъ бывали рѣшительные, однако, едва ли способные внести успокоеніе въ деревню, ибо усмиреніе это совершалось далеко не мѣрами убѣжденія и кротости.

Я передавалъ свои наблюденія молодому помѣщику Полтавской губерніи К., возмущаясь карателями и бездѣйствіемъ по отношенію къ нимъ власти.

«Ничего! такъ имъ и надо... нѣмцы миндальничать не будутъ, а за грабежи тоже не мѣшаетъ проучить...»

Я просто остолбенѣлъ отъ такого ужаснаго непониманія обстановки и грозныхъ перспективъ. Увы! Такой случай отношенія не являлся далеко единичнымъ или изолированнымъ. Эгоизмъ, корыстолюбіе, желаніе использовать обстановку въ своихъ личныхъ цѣляхъ и выгодахъ были слишкомъ зауряднымъ явленіемъ у помѣщиковъ.

Такъ возникали беспорядки въ совершенно мирныхъ уголкахъ. Тамъ, гдѣ возставшіе брали верхъ надъ слабыми отрядами карателей, или гдѣ возставшимъ попадали въ плѣнъ офицеры, даже не принимавшіе участія въ карательныхъ дѣйствіяхъ — тамъ повстанцы распорядились съ ужасающей жестокостью, напоминающей гайдямачину. У насъ были донесенія, что штыками вытягивали кишки у несчастныхъ жертвъ народной ненависти и жестокаго самосуда разъяренной толпы.

Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что не будь тогда налицо нѣмецкой силы, гетманская власть была бы легко сметена еще въ іюнѣ-августѣ 1918 года.

Трудно, конечно, поддается опредѣленію роль социалистической пропаганды въ организаціи возстаній — конечно, отрицать совершенно (какъ многіе это дѣлаютъ) ея значенія нельзя, но я указалъ выше на реальные факты и причины крупныхъ волненій и беспорядковъ, возникавшихъ въ весьма мирной обстановкѣ, внѣ всякой идейной пропаганды.

Я уже упоминалъ, что мнѣ неизвѣстно, какія мѣры принимались противъ дѣйствій карательныхъ отрядовъ и вообще принимались ли таковыя, я упоминалъ также о легкомысленномъ, открытомъ одобреніи дѣйствій карателей нѣкоторыми помѣщиками, но я а ргіогі думаю, что власть не имѣла достаточной силы и авторитета, чтобы бороться съ этимъ явленіемъ. Къ непрекращавшимся волненіямъ деревни въ концѣ августа присоединилась еще желѣзно-дорожная забастовка, поддержанная, а быть можетъ, даже и организованная на огромныя денежныя средства, затраченныя большевиками. Городекая демократія повела атаку на правительство, а національный украинскій блокъ началъ оказывать большое и успѣшное давленіе на терявшихъ подъ ногами почву нѣмцевъ.

Совѣтъ министровъ Гетмана являлъ о ту пору картину полной неработоспособности. Голоса въ Совѣтѣ неизмѣнно дѣлились ровно пополамъ: было очевидно, что двѣ половины Совѣта расходятся между собой въ самыхъ основныхъ пунктахъ и принципахъ. Положеніе было катастрофическое. Къ внутренней неурядицѣ присоединялась напряженная и успѣшная пропаганда большевиковъ.

Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ былъ въ этотъ періодъ уже не безвольный О. А. Лизогубъ, а И. А. Кистяковскій, наиболѣе яркая фигура во всемъ министерствѣ гетмана, умный, талантливый и чрезвычайной работоспособности человекъ. Онъ изъ силъ выбивался, стараясь укрѣпить власть, что отчасти, особенно въ провинціи, ему и удавалось, но объединить кабинетъ на единственно спасительной въ тотъ моментъ политикѣ твердой власти было невозможно, и такіе вліятельные министры, какъ напр. Н. П. Василенко, дѣловой С. М. Гутникъ, симпатичный и гуманный В. В. Зѣньковскій, шли опредѣленно противъ Кистяковскаго, увлекая за собой ровно половину Совѣта Министровъ. Повторялась трагедія власти Временнаго Правительства въ Петроградѣ, и несмотря на предупредительный, яркій опытъ исторіи, люди упорно держались пути политической маниловщины и невозмутимаго прекраснодушія.

Но весьма понятно, что въ создавшихся условіяхъ работа министерства не была и не могла быть продуктивной.

Въ самомъ началѣ своей дѣятельности на боевомъ посту Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Кистяковскій все свои усилія употреблялъ на привлеченіе къ практической, созидательной дѣятельности мѣстныхъ національныхъ украинскихъ дѣятелей. Но, къ сожалѣнію, на этомъ пути онъ потерпѣлъ почти полную неудачу, ибо все это были въ большинствѣ своемъ люди, привыкшіе къ беспочвенной оппозиціи и они, за весьма рѣдкими исключеніями, оказались неспособными къ простой, дѣловой работѣ. Какъ я уже выше упоминалъ, особенно трудно было наладить аппаратъ мѣстной власти: съ фатальной неизбежностью приходилось возвращать къ власти и вербовать для кадровъ новой власти людей опыта стараго времени, которые были къ тому же настроены очень озлобленно всѣми предыдущими событіями. И люди начинали дѣйствовать по старому, забывая, что измѣнилась не только обстановка, въ которой приходилось работать, но и, самое главное, обывательская психика. Не будучи вовсе реакціонеромъ, И. А. Кистяковскій быстро создалъ себѣ репутацію крайняго реакціонера,

чѣмъ возстановилъ противъ себя какъ русскіе либеральные элементы, такъ и украинскіихъ націоналистовъ. И причина здѣсь лежала не въ существѣ дѣла, а въ крайней распушенности языка и рѣзкости словъ, которыми И. А. Кистяковскій кстати и некстати, т. е. безъ всякой къ тому нужды, раздражалъ имѣвшихъ съ нимъ дѣло лицъ и цѣлыя общественныя группы*.

Справедливость требуетъ сказать, что словесныя злоупотребленія были въ модѣ въ этотъ періодъ и ихъ позволяли себѣ дѣятели весьма почтенные и уважаемые.

Большой заслугой Кистяковскаго была прямая, открытая борьба, объявленная имъ большевикамъ, причемъ онъ храбро бралъ на себя весь odium за прямыя и откровенныя средства этой борьбы. Несчастье заключалось въ томъ, что онъ не умѣлъ отфильтровать чистый большевизмъ, не сумѣлъ создать условія, при которыхъ за нимъ пошли бы для этой борьбы лѣвыя, не большевистскія фракціи и партіи оппозиціи.

Но легко ставить это въ вину и во сколько разъ труднѣе практическая работа въ давномъ направленіи при условіи, о которомъ я упоминалъ уже и выше, а именно: теоретики демократіи, больше слѣдившіе за чистотой своихъ партійныхъ формулъ, чѣмъ за кричащими, неотложными потребностями дня, а иногда и минуты, лѣвыя группы, къ сожалѣнію, не могли создать ничего положительнаго ни въ сферѣ устройства практической жизни — для этого достаточно посмотрѣть на результаты практической дѣятельности Кіевскаго и Одесскаго городскихъ управленій, бывшихъ почти цѣликомъ въ рукахъ лѣвыхъ думъ, ни тѣмъ болѣе въ сферѣ организаціи трудной борьбы съ большевизмомъ. Большевики, не связанные въ сущности ничѣмъ, даже собственными формулами и обѣщаніями, и дѣйствовавшіе съ грубой, циничной откровенностью, легко брали верхъ надъ всякими социаль-демократами и социалистами-революціонерами.

Ихъ взаимоотношенія напоминали больше всего извѣстную сказку Салтыкова-Щедрина — «Карась-идеалистъ». Дѣло кончалось неизмѣнно по одному, хорошо заранѣе извѣстному трафарету: всѣ и вся попадало въ щучье хайло.

Повторяю, И. А. Кистяковскій, оставаясь на нѣмецкой формулѣ «Самостійной Украины», велъ совершенно добросовѣстно борьбу съ большевизмомъ, какъ интернаціональнымъ, возглавляемымъ Кремлемъ, такъ и съ большевизмомъ національнымъ, возглавляемымъ Петлюрой и его революціоннымъ штабомъ. Первый, международный большевизмъ имѣлъ своимъ представителемъ въ Кіевѣ Г. Х. Раковскаго, стоявшаго во главѣ мирной делегаціи и занятаго совсѣмъ не мирными дѣлами. На наиболѣе вредныхъ дѣятелей изъ этой группы и были направлены удары Кистяковскаго.

Если я говорю о большевизмѣ національномъ, то здѣсь нужна нѣкоторая оговорка. Среди національнаго союза были настоящіе большевики-украинцы и отъ нихъ первымъ былъ украинскій писатель, талантливый и страстнаго темперамента агитаторъ В. К. Винниченко. С. В. Петлюра, хотя и не былъ большевикомъ, но работа его агентовъ по подготовкѣ возстанія противъ гетманской власти, равносильна была отдачѣ Украины во власть большевиковъ, что и подтвердили блестяще событія ближайшихъ мѣсяцевъ.

Препятствіемъ, ставшимъ на пути гетманской власти, въ этой борьбѣ ея съ большевиками, стали нѣмцы. Это необходимо особенно подчеркнуть, ибо украинская эпопея была лишь частностью общей картины. Нѣмцы импортировали большевиковъ въ Россію, поддерживали ихъ въ теченіе 1918 года всюду — въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ —

* Для примѣра можно привести такой эпизодъ. Послѣ рѣчи Кистяковскаго въ Одессѣ ему кто-то сказалъ: «Что же, это возвратъ къ временамъ Плеве?» — «Передо мной и Плеве, и Сипягинъ скоро окажутся мальчишками», не моргнувъ глазомъ, отвѣтилъ Кистяковскій.

безразлично. Вспомнимъ, какъ снисходительно отнеслись нѣмцы къ убійству гр. Мирбаха въ Москвѣ. Нѣмецкій посолъ на Украинѣ фонъ-Муммъ очень нервничалъ, видя, сколь мало реагировала центральная власть на убійство Мирбаха.

Въ распоряженіи украинскаго министерства внутреннихъ дѣлъ были матеріалы, содержащіе неопровержимыя доказательства, показывавшія, что члены большевистской мирной делегаціи ведутъ усиленную пропаганду большевизма на Украинѣ, не жалѣютъ милліоновъ «керенокъ» на организацію желѣзнодорожной забастовки и на организацію вооруженнаго возстанія. Въ началѣ октября 1918 г. И. А. Кистяковскій докладывалъ Совѣту Министровъ, что нѣмцы препятствуютъ ему арестовать извѣстныхъ своей преступной дѣятельностью опасныхъ большевиковъ и требуютъ освобожденія другихъ*. И. А. Кистяковскій тогда же сдѣлалъ заявленіе, что въ создавшихся условіяхъ онъ слагаетъ съ себя отвѣтственность за безопасность и спокойствіе Кіева.

Въ то же время, нѣмцы потребовали освобожденія арестованнаго Петлюры. У меня имѣются точныя доказательства, что С. В. Петлора былъ освобожденъ гетманомъ Скоропадскимъ по настойчивому требованію нѣмцевъ. У меня имѣется письмо ко мнѣ П. П. Скоропадскаго, гдѣ на прямой вопросъ мой объ этомъ (по поводу письма, опубликованнаго С. К. Моркотуномъ въ «Cause Commune» осенью 1919 года), П. П. Скоропадскій отвѣтилъ, что онъ вынужденъ былъ освободить Петлюру по настоянію нѣмцевъ, угрожавшихъ въ противномъ случаѣ освободить его силой.

Есть данныя о дѣятельности С. В. Петлоры, еще въ качествѣ предсѣдателя Земской Управы, когда въ огромномъ зданіи Земской Управы на Владимирской улицѣ открыто съѣзжался и работалъ по организаціи анти-гетманской пропаганды весь штабъ украинскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, штабъ будущаго возстанія Петлюры.

Въ письмахъ ко мнѣ П. П. Скоропадскій сѣтуетъ на то, что полиція не могла дать ему въ руки матеріала, достаточно уличающаго Петлюру.

Я же весьма склоненъ думать, что, останься на посту Министра Юстиціи А. А. Романовъ, матеріала для обвиненія С. В. Петлюры нашлось бы достаточно, даже несмотря на защиту его нѣмцами.

Мнѣ представляется, что вся политика нѣмцевъ на Украинѣ сводилась къ тому, чтобы поддерживать въ странѣ состояніе неустойчиваго равновѣсія, для того, чтобы въ любой моментъ чашка вѣсовъ, на которую нѣмцы положили бы гирю своего вліянія, могла накренивъ вѣсы исторіи туда, куда, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, это желательно было бы нѣмцамъ. Достаточно въ этомъ смыслѣ обратить вниманіе на слѣдующія оригинальныя, чтобы не сказать болѣе, комбинаціи: нѣмцы не только поддерживали матеріально, но и помогали формированію офицерскихъ отрядовъ, т. наз. Южной Арміи, и въ то же время нѣмецкіе офицеры-инструкторы находились въ большевистскихъ отрядахъ, дравшихся противъ офицеровъ русской арміи.

Нѣмцы какъ бы сознательно поставили себѣ цѣлью — уничтоженіе русскаго офицерства, и взятіе Кіева большевиками въ 1918 году имѣло непосредственнымъ результатомъ избіеніе русскаго офицерства. Невольно задаешь себѣ вопросъ: не мозгъ ли нѣмецкаго штаба руководилъ рукой большевиковъ въ русско-украинской войнѣ начала 1918 года?

Необходимо еще напомнить, что тѣ же нѣмцы постоянно и намѣренно путали карты при переговорахъ Украины съ Крымомъ, чтобы и здѣсь, какъ нибудь невзначай,

* Въ архивѣ Госуд. Канцеляріи долженъ былъ сохраниться документъ — проектъ заявленія Совѣта Министровъ нѣмецкому Главному Командованію, написанный мною въ самомъ засѣданіи Совѣта. И. А. Кистяковскій предпочелъ вести устные переговоры.

не было достигнуто какого-нибудь соглашения. *Divide et impera* было ихъ лозунгомъ. А русскіе Украины и Крыма, серьезно вообразивъ себя двумя государствами, вели таможенную войну между собой, будто кому-то было полезно, чтобы въ Крыму гнили продукты, когда въ Кіевѣ на нихъ стояли безумныя цѣны. Позорная страница!

Когда нѣмцы стали нажимать на ген. Скоропадскаго, настаивая на создани лѣваго кабинета съ преобладаніемъ націоналистическихъ элементовъ, для меня стало совершенно ясно, что нѣмцы, не чувствуя за собой силы удержать далѣе Украину въ сферѣ своего исключительнаго вліянія, возвращаются къ общей своей политикѣ разложенія Россіи, ибо сомнѣнія не могло быть въ результатѣ работы лѣвыхъ элементовъ. Этотъ результатъ былъ фатально неизбѣженъ и резюмировался онъ кратко: Украина должна быть большевистской. Не могло быть сомнѣнія и въ томъ, что въ соотвѣтствующій моментъ нѣмцы предадутъ и «Гетмана Всіей Україні». Если и сомнѣвался, быть можетъ, то не хотѣлъ этому вѣрить самъ гетманъ.

XI.

Вообще же, нѣмцы играли съ Украиной такъ, какъ кошка играетъ съ мышью: то придавить, то дать побѣгать и насладиться иллюзіей свободы, зорко слѣдя въ то же время, чтобы добыча не ушла отъ стола хищника-побѣдителя.

Въ сферѣ промышленно-экономической и финансовой они все держали въ своихъ цѣпкихъ рукахъ, опутывая на будущее время Украину густой сѣтью, разставленной нѣмецкимъ промышленнымъ капиталомъ съ его активнымъ грюндерствомъ, агентомъ котораго былъ въ Кіевѣ небезызвѣстный г. Добрый.

Напрасно выбивался изъ силъ, стараясь отстаивать свою финансовую независимость, добросовѣстный и честный А. К. Ржепецкій. Нѣмцы, конечно, оставались *maîtres de la position* и въ душѣ, конечно, смѣялись, когда гетманское правительство заключало самостоятельные договоры съ Румыніей, недостигаемой въ то время Даніей и т. п. Теперь документы и матеріалы, характеризующіе промышленныя и экономическія взаимоотношенія Украины съ нѣмцами, уже доступны для научнаго изслѣдованія, которое возстановитъ намъ картину этихъ отношеній и предѣлы самостоятельности Украины въ этой основной сферѣ жизнедѣятельности страны, я же здѣсь ограничиваюсь лишь характеристикой положенія.

Другой, дорого обходившейся Украинѣ иллюзіей, было созданіе украинской арміи. Наивно увлеченный этой идеей, П. П. Скоропадскій изъ за этого миража дѣлалъ такіе шаги, какъ напр. его путешествіе въ Германію и его свиданіе съ Императоромъ Вильгельмомъ, Гинденбургомъ и Людендорфомъ. А между тѣмъ, путешествіе это, хотя бы и вовсе безобидное по своимъ результатамъ и содержанию, крайне повредило П. П. Скоропадскому въ общественномъ мнѣніи какъ круговъ антанты, такъ и Россіи.

Я никогда не раздѣлялъ искренней и серьезной вѣры П. П. Скоропадскаго въ возможность созданія серьезной военной силы на Украинѣ. Начать съ того, что нѣмцы никогда бы не потерпѣли созданія сколько нибудь значительной военной силы на Украинѣ, такъ какъ фатально и неизбѣжно она сдѣлалась бы угрозой имъ самимъ. Едва ли можно допустить, чтобы нѣмцы не давали себѣ въ этомъ отчета.

Но даже допустивъ на минуту эту мало въ общемъ вѣроятную возможность — я задаю вопросъ: изъ какихъ элементовъ можно было надѣяться создать это войско?

Среди офицеровъ были украинскіе націоналисты, среди южно-русскаго офицества, даже высшихъ ранговъ, были федералисты, которые, не будучи ни врагами,

ни сепаратистами, тѣмъ не менѣе опредѣленно не сочувствовали и относились отрицательно къ возстановленію единой, централизованной Россіи. Значительное число такихъ офицеровъ послѣ паденія гетмана очутились въ Польшѣ: они не захотѣли пойти за Петлюрой, какъ завзятымъ врагомъ Россіи, но съ другой стороны они отказались и отъ вступленія въ ряды Деникинской Добрарміи, на знамени которой они не видѣли даже автономіи Украины. Нужно только немного воображенія, чтобы представить себѣ душевную драму этихъ несчастныхъ жертвъ капризовъ исторіи. Въ такой безконечно тяжелой обстановкѣ пришлось имъ рѣшать вопросъ своей совѣсти!

Наконецъ, на службу въ гетманскія войска пошли многіе русскіе офицеры для борьбы съ большевиками, и недостатка предложеній услугъ для ролей командировъ корпусовъ, начальниковъ штабовъ, центральныхъ установленій военнаго вѣдомства никогда не было.

Недоставало одного, но зато весьма существеннаго: солдатъ. И главная бѣда была въ этомъ: неоткуда было взять надежныхъ солдатъ. Призывная молодежь украинская уже побывала въ тылахъ дѣйствующей арміи, развратилась отъ бездѣлья и большевистской пропаганды на сходкахъ и митингахъ, но главное — бездѣльемъ тыловой службы и связаннаго съ нею времяпровожденія. Создать военныя части изъ этихъ элементовъ, или даже изъ свѣжихъ элементовъ совершенно распушенной деревенской молодежи, было, мнѣ кажется, совершенно невозможно. Куда направлены были мысли и каково было настроеніе солдатъ, побывавшихъ въ дѣйствующей арміи — было наглядно продемонстрировано «синими жупанами», о которыхъ мы уже говорили выше.

Надежнаго войска, особенно при ненадежныхъ командирахъ, какъ показала исторія полковника Болбочана*, генерала Гутора** и многихъ другихъ — взять было неоткуда. Я дѣлился этими мыслями съ военнымъ министромъ ген. Скоропадскаго, глубоко честнымъ и симпатичнымъ, добрымъ и мягкимъ ген. Рогозой***, который раздѣлялъ мои опасенія.

Находившаяся въ состояніи анархіи деревня, гдѣ, какъ мы выше видѣли, часто беззастѣнчиво и жестоко хозяйничали нѣмцы, конечно, легко дѣлалась жертвой пропаганды агентовъ Петлюры, не вслѣдствіе того сомнительнаго соблазна, который обѣщала украинизація, а просто потому, что петлюровцы обѣщали свободу полного ограбленія помѣщиковъ въ пользу крестьянъ и не противились прямому грабежу всякаго добра въ помѣщичьихъ экономіяхъ.

Какъ только, подъ давленіемъ нѣмцевъ, Скоропадскій создалъ новое министерство съ преобладаніемъ лѣвыхъ элементовъ — стало ясно, что дни Украины сочтены.

XII.

Да и какъ бы оно могло быть иначе? Долженъ былъ придти тотъ, кто теперь имѣлъ негласную поддержку нѣмцевъ: онъ и являлся, по существу, хозяиномъ положенія. Это были большевики.

* Полк. Болбочанъ первый поднялъ возстаніе противъ гетмана въ концѣ 1918 г.; въ 1919 году Болбочанъ разстрѣлянъ Петлюрой.

** Ген. Гуторъ былъ потомъ военнымъ министромъ у Петлюры.

*** Ген. Рогоза былъ разстрѣлянъ большевиками въ Одессѣ за отказъ поступить въ ряды Красной Арміи. Старика водили на разстрѣлъ нѣсколько разъ — онъ остался твердымъ и геройски встрѣтилъ смерть.

Событія, достаточно послѣдовательно развивавшіяся затѣмъ, были лишь медленной агоніей, временемъ, потребнымъ для искуснаго машиниста, чтобы перемѣнить декорацию при открытомъ занавѣсѣ. Самыя попытки ген. Скоропадскаго измѣнить лозунги и иначе оріентировать внутреннюю и внѣшнюю политику ускоряли логическое развитіе событій.

Когда Гетманъ передалъ власть новому министерству подѣ председательствомъ С. Н. Гербеля, въ украинскіихъ кругахъ называемаго «министерствомъ русскихъ монархистовъ» — это цѣлкомъ развязало руки украинцамъ-націоналистамъ. Они прямо объявили войну Гетману, какъ измѣннику Украины: 15 ноября они образуютъ тайную Директорію, гдѣ главная роль принадлежитъ В. К. Винниченко, но въ ней фигурируетъ также и будущій «генералиссимусъ» С. В. Петлюра.

Небольшіе отряды русскихъ офицеровъ не могли устоять долго подѣ ударами коалиціи открыто воюющихъ украинцевъ, тайно наступавшихъ съ сѣвера большевиковъ и при весьма подозрительномъ «нейтралитетѣ» нѣмцевъ. Вся эта «война» потребовала лишь одного неполнаго мѣсяца. Отрекшійся отъ власти Гетманъ П. П. Скоропадскій, брошенный всѣми, увезенъ былъ въ Берлинъ подѣ видомъ раненаго нѣмецкаго офицера, благодаря заботамъ о немъ одного германскаго врача. Только это спасло ему жизнь.

Войска Директоріи вошли въ Кіевъ 14 декабря. Торжество украинцевъ было, впрочемъ, недолгое: всего черезъ шесть недѣль они должны были бѣжать изъ Кіева, уступивъ его большевикамъ.

Объ этомъ событіи вовсе умалчиваетъ брошюра, изданная въ Парижѣ подѣ заглавіемъ: «Chronologie des principaux événements en Ukraine de 1917 à 1919». Въ этой брошюрѣ будущій историкъ найдетъ немало интересныхъ деталей событій, относящихся къ началу 1919 года, а также нѣкоторые документы, относящіеся къ 6 и 12 февраля и даже марту мѣсяцу 1919 года.

Своими собственными руками растерзали живое тѣло своей «неньки» (матери) — Украины гг. Винниченко, Петлюра и ихъ менѣе знаменитые товарищи, ибо живой и здоровой они хотятъ видѣть ее только «самостійною». Есть, правда, и такой видъ патріотизма, о которомъ поэтъ Украины Т. Г. Шевченко писалъ:

«...та отечество такъ любить,
такъ за нимъ бідкуэ,
та такъ з нього сердешного
кровь, якъ воду точить...»

Кровью и слезами залили всю Украину Винниченко, Петлюра и прочіе украинскіе патріоты. Объявивъ въ 1917 году ея полную независимость, они исполнили заданіе нѣмцевъ, по указкѣ которыхъ Ленинъ провоцировалъ украинцевъ извѣстнымъ уже постановленіемъ С. Р. и С. Д., цитированнымъ мною въ началѣ: они вызвали бомбардировку и взятіе Кіева большевистскими войсками подѣ командой Ремнева и Муравьева. Брестъ-Литовскимъ договоромъ они отдали Украину на разграбленіе нѣмцамъ и австрійцамъ. Возстаніемъ противъ гетмана они въ конецъ разорили Украину, отдавъ ее вторично въ руки большевиковъ. На этотъ разъ дѣло осложнилось еще такими аксессуарами, какъ дѣятельность разбойничьихъ бандъ Махно, Григорьева и другихъ «атамановъ» и грандіозными еврейскими погромами, которые затмили собою все, что ставилось въ вину царскому правительству Россіи съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія и до 1906 года включительно, когда напр. Кишиневскій погромъ 1903 года заставилъ весь міръ содрогнуться отъ негодованія.

Какими дѣтскими сказками представляются теперь Кишиневскія событія въ сравненіи съ дѣяніями петлюровцевъ, жертвы которыхъ достигаютъ по неточнымъ еще даннымъ до 100,000 человекъ.

Съ тѣхъ поръ до нашего времени страна не выходитъ изъ состоянія анархіи. Страсти, искусственно разоженные въ гражданской войнѣ, вызвали наружу все худшее въ человѣческой природѣ, и не видно конца испытанію огнемъ и мечемъ, гдѣ кромѣ жертвъ человѣческой жестокости, сотни и тысячи людей гибнутъ отъ голода, холода и развившихся на этой почвѣ страшныхъ эпидемій тифа, холеры, дизентеріи и др. И не видно конца этой трудно описуемой трагедіи, безъ исхода, видимаго впереди и безъ всякаго просвѣта надежды на будущее.

Кто передастъ словами то, что пережили города Южной Россіи? Кіевъ, Харьковъ, Одесса, Херсонъ, Екатеринославъ, если мы вспомнимъ лишь крупные центры. Перенаселенные города, куда отъ деревенскаго террора бѣжало все могущее бѣжать изъ деревни населеніе, переполненные къ тому же бѣженцами военнаго времени изъ Царства Польскаго и Прибалтійскаго Края, бѣженцами отъ большевистскаго террора изъ Центральной Россіи — по нѣскольکو разъ переходили изъ рукъ въ руки, платили контрибуціи не только деньгами и имуществомъ, но и жизнью обывателей, разграбляемыхъ то большевиками, то махновцами, иногда на протяженіи нѣсколькихъ дней. Все это ждетъ еще своего историка. Въ этой вакханаліи произвола, насплія, разнузданности и утонченнаго издѣвательства надъ человѣческой личностью, многіе впали въ мистическое равнодушіе ко всему окружающему, другіе потеряли рассудокъ.

Если бы гг. Петлюра, Винниченко и другіе господа украинскіе націоналисты дѣйствительно цѣнили свою родину и любили ее не черезъ призму своего упрямаго, узкаго шовинизма, они не пошли бы на возстаніе противъ Гетмана, ибо послѣ опыта января 1918 года у нихъ не могло быть никакихъ сомнѣній въ исходѣ той борьбы, которую они начинали. Будь они не завистники власти, а настоящіе патріоты, они всѣми своими силами должны были бы поддержать гетманскую Украину, даже въ томъ случаѣ, если не всѣ стороны гетманскаго режима одобрялись и принимались ими. Какъ въ извѣстномъ случаѣ Соломонова суда они бы скорѣе оставили любимаго ребенка живымъ и цѣлымъ въ чужихъ рукахъ, чѣмъ въ своихъ окровавленныхъ народной кровью въ преступной, навязанной народу борьбѣ. Ибо трудно найти для нихъ другое наименованіе — они явились несомнѣнно губителями Украины и, какъ таковыя, войдутъ они въ исторію.

Измѣнники Россіи, ненавистники всего русскаго, они надолго засорили дорогу для спокойнаго, разумнаго рѣшенія украинскаго вопроса. Многіе изъ тѣхъ русскихъ прогрессивныхъ дѣятелей, которые съ симпатіей относились къ стремленіямъ культурнаго украинства, къ развитію украинскаго языка, литературы и національнаго творчества во всѣхъ областяхъ жизни, теперь съ ужасомъ отшатнулись отъ своихъ прежнихъ симпатій, увидѣвъ бездну человѣческаго страданія, принесеннаго въ качествѣ жертвы на алтарь національной обособленности и розни.

И если Россія будущаго, черты которой не вырисовываются еще даже въ видѣ силуэтовъ, превратится когда-нибудь въ федеративное государство типа Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, то послѣ пережитыхъ ужасовъ Петлюровщины, почва для соглашенія страшно засорена и загрязнена. Страсти раскалены до-бѣла, и трудно хладнокровно подойти къ рѣшенію и безъ того сложной государственно-національной проблемы.

Трагедія Украины, какъ и всей Россіи, еще не закончена. Мы видимъ для Украины единственный разумный выходъ въ мирномъ соглашеніи съ Россіей.

Русскіе же люди, мы вѣримъ, вдумаются въ переживаемую трагедію и, въ опытѣ ужасныхъ событій современности, почерпнутъ указанія для разумной, справедливой политики будущаго.